



**МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ**

ПЯТЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

*Новое громкое дело Микки Холлера — адвоката
из «линкольна»!*



Микки Холлер

Майкл Коннелли
Пятый свидетель

«АСТ»

2011

Коннелли М.

Пятый свидетель / М. Коннелли — «АСТ», 2011 — (Микки Холлер)

Новое дело Микки Холлера – адвоката из «линкольна» и талантливого детектива-любителя! Когда наступают трудные времена, единственное, что оплачивается хорошо, – услуги адвоката! Но может ли заплатить ему Лайза Тремелл, у которой за долги вот-вот отберут дом? А вскоре ее обвиняют в убийстве, и у следствия достаточно доказательств ее вины. Микки Холлер готов защитить Лайзу любой ценой. Он начинает собственное расследование, не представляя, с чем ему придется столкнуться. Богатые и могущественные люди не остановятся ни перед чем, чтобы за решеткой оказалась именно Лайза Тремелл...

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	11
3	16
4	23
5	28
6	35
7	44
8	51
9	57
10	63
Часть вторая	65
11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Майкл Коннелли

Пятый свидетель

Деннису Войцеховскому с благодарностью

Серия «Майкл Коннелли – король американского детектива»

Michael Connelly
THE FIFTH WITNESS

Перевод с английского И.Я. Дорониной Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, New York, USA и литературного агентства Andrew Numberg.

© Hieronymus Inc., 2011

© Перевод. И.Я. Доронина, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Часть первая ЗАВЕТНЫЕ СЛОВА

1

Миссис Пена посмотрела на меня через спинку сиденья и умоляюще вскинула руки. Она говорила с сильным акцентом, но по-английски, чтобы непосредственно донести до меня крайнюю степень своего волнения:

– Прошу вас, вы ведь можете мне, мистер Микки?

Я взглянул на Рохаса, который, хоть я и не нуждался в его переводческих услугах, сидел на шоферском месте вполоборота, а потом, поверх плеча миссис Пены, – в заднее окно на дом, который она так отчаянно хотела сохранить. Это было вылинявшее розовое строение с двумя спальнями и давно бесплодным двориком, обнесенным проволочным забором. Через всю бетонную ступеньку, ведущую к передней веранде, тянулось граффити, в котором невозможно было разобрать ничего, кроме цифры «13». Это не был номер дома. Это был знак лояльности.

Наконец мой взгляд снова вернулся к миссис Пене – женщине сорока четырех лет, изнуренной, но по-своему привлекательной матери-одиночке трех сыновей-подростков. Вот уже девять месяцев она не платила взносов по ипотеке, и теперь банк лишил ее права собственности на дом и намеревался выставить его на продажу.

Аукцион должен был состояться через три дня. То, что дом стоил ничтожно мало и находился в бандитском южном пригороде Лос-Анджелеса, значения не имело. Кто-нибудь купит и его, и миссис Пена из владелицы превратится в арендатора – в том случае, если новый хозяин ее не выселит. Годами она полагалась на защиту «Флоренции-13». Но времена изменились. Теперь никакая лояльность по отношению к какой бы то ни было банде не могла ее спасти. Ей требовался адвокат. Ей был нужен я.

– Скажи ей, что я постараюсь сделать все, что в моих силах, – обратился я к Рохасу. – Скажи: я почти уверен, что удастся отменить аукцион и оспорить правомерность лишения ее права на дом. Это как минимум замедлит процесс и даст нам время для выработки долгосрочного плана действий. Возможно, даже позволит ей снова встать на ноги.

Я сделал знак и ждал, пока Рохас переведет мои слова. Рохас служил мне шофером и переводчиком с тех самых пор, как я купил рекламный пакет на радиоканалах, вещающих на испанском языке.

В моем кармане завибрировал мобильник. По характеру вибрации было ясно, что это не звонок, а сообщение. В любом случае я проигнорировал сигнал. Дождавшись, когда Рохас закончит переводить, я поспешно, чтобы не дать миссис Пене ничего ответить, продолжил:

– Скажи ей: она должна понимать, что это все равно не решит ее проблем. Я в состоянии притормозить события, и мы можем вступить в переговоры с банком, но я не обещаю, что в конце концов она так или иначе не потеряет дом. В сущности, она его уже потеряла. Я намерен вернуть ей его, однако предстоит тяжба с банком.

Рохас перевел, от себя сопроводив мои слова жестами. Правда состояла в том, что миссис Пене в конце концов неминуемо придется съехать. Вопрос лишь в том, как далеко она готова позволить мне зайти. Персональное банкротство растянет дело еще на год. Но ей нет нужды принимать решение прямо сейчас.

– Теперь скажи ей, что мои услуги платны. Дай ей смету: тысяча авансом и план ежемесячной оплаты.

– Сколько за месяц и на какой срок?

Я снова взглянул на дом. Миссис Пена предлагала провести встречу в нем, но я предпочел разговаривать в машине. В своем лимузине «Линкольн BPS», то есть пуленепробиваемом, я находился на мобильной территории. Я купил его у вдовы убитого авторитета из картеля Синалоа. Машина имела бронированные двери и пуленепробиваемые окна из трехслойного безосколочного стекла. Не то что окна в розовом домике миссис Пены. Из опыта синалоайского мафиозо я вынес полезный урок: не следует покидать автомобиль без особой нужды.

Ранее миссис Пена сообщила мне, что ежемесячные ипотечные взносы, которые она прекратила платить девять месяцев назад, составляли семь сотен. Пока я буду вести дело, она продолжит воздерживаться от каких бы то ни было выплат банку и таким образом, избавленная от этих трат, сможет рассчитываться со мной.

– Напиши две с половиной сотни в месяц, – ответил я Рохасу. – Я предоставляю ей льготные условия. Сделай так, чтобы она усвоила: мы заключаем официальный договор и просрочки в оплате недопустимы. Мы готовы принять кредитную карточку, если у нее таковая имеется и если из нее еще можно что-нибудь выжать. Только убедись, что она будет действительна... ну, хотя бы до конца года.

Пока Рохас переводил, используя гораздо больше жестов и слов, чем я, я вынул из кармана телефон. Сообщение было от Лорны Тейлор: «Позвони мне ктс¹».

Нужно будет связаться с ней после встречи с клиенткой. В любой другой юридической конторе Лорна была бы тем, кого называют офис-менеджером или администратором. Но у меня не было офиса, кроме заднего сиденья моего «линкольна», поэтому она вела все дела и отвечала на телефонные звонки из кооперативной квартиры в западном Голливуде, которую делила с моим главным сыщиком-дознавателем.

Моя мать по рождению была мексиканкой, и на самом деле я понимал ее родной язык лучше, чем притворялся. Поэтому, когда миссис Пена отвечала Рохасу, я понял, что она говорит, – во всяком случае, суть ее ответа уловил. Она сказала, что прямо сейчас пойдет в дом, принесет тысячу долларов наличными и будет исправно вносить ежемесячную плату. Мне, не банку. Я подсчитал, что, если смогу растянуть ее пребывание в доме на год, мой доход составит в целом четыре тысячи. Не так уж плохо, учитывая обстоятельства. Скорее всего я больше никогда не увижу миссис Пену. Я составлю иск, оспаривающий отчуждение собственности, и запущу машину. Есть шанс, что мне даже не придется появиться в суде. Всю работу, связанную с судебным разбирательством, сделает моя молодая помощница. И миссис Пена будет довольна, и я. Однако в конце концов молот все равно опустится. Он всегда опускается.

Я считал, что это дело вполне стоит усилий, хотя миссис Пена и не казалась особо симпатичной клиенткой. Большинство моих клиентов прекращали выплачивать банку положенные взносы после того, как теряли работу или их постигала какая-нибудь медицинская катастрофа. Миссис Пена приостановила выплаты, когда трое ее сыновей оказались в тюрьме за торговлю наркотиками и она вмиг лишилась их еженедельных пособий. Особого желания заниматься ею эта история не вызвала. Но банк сыграл в грязную игру. Я внимательно просмотрел дело на своем ноутбуке. Там все было ясно: список отосланных уведомлений с требованием оплаты и затем – лишение права собственности. Только вот миссис Пена утверждала, что никогда никаких уведомлений не получала. И я ей верил. Это был один из тех районов, где, как всем известно, судебные курьеры предпочитают не расхаживать свободно. Подозреваю, что эти уведомления оканчивали свой путь в мусорной корзине, а курьеры просто лгали, что доставили их. Если мне удастся зарегистрировать дело, я сумею с помощью этого довода осадить банк.

¹ Сокращенное от «как только сможешь». – Здесь и далее примеч. пер.

Такова будет моя линия защиты: бедную женщину толком не предупредили, в каком бедственном положении она находится. Банк обманул ее, лишил имущества, не дав возможности возместить задолженность, и заслужил за это как минимум судебное порицание.

– Хорошо, значит, по рукам, – сказал я и, обращаясь к Рохасу, добавил: – Пусть она пойдет принесет деньги, а я пока распечатаю договор и расписки. Мы сегодня же приступим к делу.

Я кивнул миссис Пене и улыбнулся. Рохас перевел, после чего выскочил из машины, чтобы открыть ей дверцу.

Как только миссис Пена ушла, я вызвал на экран трафарет договора на испанском языке, вставил в него нужные имена и цифры и отправил на принтер, встроенный в электронную платформу, располагавшуюся на переднем пассажирском сиденье. После этого перешел к составлению расписки в получении задатка, который будет помещен на депозит, находящийся в моем управлении по доверенности. Все делалось честно. Всегда. Это лучший способ спасти свою задницу от калифорнийских судебных властей. Я мог иметь пуленепробиваемый автомобиль, но боялся в первую очередь суда.

То был трудный год для адвокатской конторы «Майкл Холлер и партнеры». В свете идущей ко дну экономики спрос на защиту по уголовным делам фактически иссяк. Разумеется, иссякли не сами преступления. В Лос-Анджелесе преступность бодро шагает вперед, невзирая ни на какие превратности экономики. Но платежеспособные клиенты стали редкостью. Казалось, ни у кого больше не было денег, чтобы нанимать адвокатов. Соответственно конторы бесплатных государственных защитников трещали по швам от обилия дел и клиентов, между тем как ребятам вроде меня оставалось лишь умирать с голоду.

Я имел большие расходы и четырнадцатилетнюю дочь, которая училась в частной школе и, когда речь заходила о колледже, неизменно упоминала Университет Южной Калифорнии. Нужно было что-то делать, и я сделал то, что когда-то счел бы немыслимым. Занялся гражданскими делами. Единственной областью юриспруденции, которая оказалась теперь на подъеме, была защита по делам о лишении права собственности. Я посетил несколько соответствующих семинаров, в ускоренном темпе освоил специфику и стал распространять рекламу на двух языках. Я также создал несколько сайтов и начал покупать списки соответствующих дел в окружной судебной канцелярии. Вот так миссис Пена и стала моей клиенткой. Просто по почте. Ее имя было в списке, я послал ей письмо – по-испански – с предложением своих услуг. И она сообщила мне, что из моего письма впервые узнала, что ее лишают права собственности на дом.

Говорят, не ленись – и воздастся тебе. Это чистая правда. У меня теперь оказалось больше работы, чем было мне под силу – например, сегодня после миссис Пены встречи со мной ждали еще шесть клиентов, – так что пришлось даже впервые за время существования конторы «Майкл Холлер и партнеры» действительно нанять помощницу – младшего партнера. Национальная эпидемия отъема заложенной недвижимости в пользу залогодержателя в последнее время несколько замедлила темп своего развития, но, конечно же, не угасла. В Лос-Анджелесском округе она, безусловно, еще минимум несколько лет могла кормить меня.

Такие дела приносили всего четыре-пять тысяч с носа, но в этот период моей профессиональной карьеры важно было не качество, а количество. На данный момент у меня в производстве числилось более девяноста дел. Моя дочь, несомненно, могла брать курс на Университет Южной Калифорнии. Да что там, черт возьми, она могла начинать думать о магистратуре.

Кое-кто считал, что отчасти проблему создаю я, поскольку помогаю паразитам играть в азартную игру с системой, а это, мол, тормозит ее экономическое выздоровление. Разумеется, среди моих клиентов были и такие, которые подпадали под это определение. Но в большинстве из них я видел трижды ошельмованных жертв. Изначально эти люди были ослеплены американской мечтой о собственном доме, затем их соблазнили ипотечным залогом, условий

которого они не были в состоянии понять в силу юридической безграмотности. А затем они снова стали жертвами, когда пузырь лопнул и недобросовестные заимодавцы начали безжалостно отбирать у них собственность. Большинство из этих некогда гордых домовладельцев не имели ни малейшего шанса устоять против отлаженной калифорнийской системы установлений, регулирующих правила перехода заложенной недвижимости в собственность залогодержателя. Чтобы отобрать у кого-то дом, банку не требовалось даже санкции судьи. Великие финансовые умы считали, что это наилучший механизм действия. Нужно только поддерживать его в рабочем режиме. Чем скорее кризис достигнет самого дна, тем скорее начнется оздоровление. Пусть они попытаются убедить в этом миссис Пену.

Существовала даже теория, будто все это – заговор крупнейших банков страны с целью подорвать законодательство, регулирующее имущественные права, саботировать судебную систему и создать непрерывно действующую индустрию отъема заложенного жилья, которая позволит им выкачивать доходы с обоих концов спектра. Лично я участвовать в этом не желал, но, даже недолго поварившись в этой сфере юриспруденции, достаточно навидался того, как грабительно и безнравственно действуют якобы законопослушные бизнесмены, чтобы начать тосковать по старому доброму уголовному праву.

Рохас стоял возле машины, ожидая, когда миссис Пена принесет деньги. Взглянув на часы, я отметил, что мы уже опаздываем на следующую консультацию, в Комптон, по делу об отъеме коммерческого здания. Чтобы экономить время, бензин и пробег автомобиля, я старался сводить по времени встречи с клиентами, живущими или работающими относительно недалеко друг от друга. Сегодня я работал в южной части Лос-Анджелеса. Завтра охвачу его восток. Два дня в неделю я проводил в машине, подписывая договоры с новыми клиентами. Остальное время работал над делами.

«Ну поторопитесь же, миссис Пена, – мысленно подстегнул я клиентку. – Нам пора ехать».

Пока длилось ожидание, я решил позвонить Лорне. Тремя месяцами раньше я заблокировал свой идентификатор пользователя на телефоне. Раньше, когда занимался уголовными делами, я никогда этого не делал, но в дивном новом мире² имущественного права мне не хотелось, чтобы мой прямой номер был широко известен. Это касалось как адвокатов заимодавцев, так и моих собственных клиентов.

– Юридическая контора «Майкл Холлер и партнеры», – ответила Лорна. – Чем могу...

– Это я. Что случилось?

– Микки, тебе нужно срочно ехать в ван-нуйсский участок.

В ее голосе ощущалась сильная тревога. Ваннуйсский участок был штаб-квартирой регионального полицейского управления Лос-Анджелеса по району долины Сан-Фернандо, в северной части города.

– Я сегодня работаю на юге. А в чем дело?

– Там Лайза Треммел. Она звонила.

Лайза Треммел была моей клиенткой. Самой первой моей клиенткой по делу об отъеме недвижимости. Я продлил ее пребывание в доме на восемь месяцев и был уверен, что удастся затянуть процесс еще минимум на год, прежде чем мы взорвем бомбу, объявив банкротство. Но под влиянием отчаяния от несправедливости жизни она впала в раж, и ее невозможно было ни унять, ни контролировать. Она пристрастилась маршировать перед банком с плакатом, осуждающим его мошеннические и бессердечные действия, и делала это до тех пор, пока банк не добился против нее временного ЗСП – запретительного судебного приказа.

– Она нарушила ЗСП? Ее задержали?

– Микки, ее взяли за убийство.

² Ассоциация с антиутопическим сатирическим романом английского писателя О. Хаксли «О дивный новый мир».

Этого я совершенно не ожидал услышать.

– Убийство?! А кто жертва?

– Она сказала, что ее подозревают в убийстве Митчелла Бондуранта.

Это повергло меня в новый шок. Я выглянул в окно и увидел, как миссис Пена выходит из дома. В руке она держала стопку купюр.

– Ладно, садись на телефон и переназначь все сегодняшние консультации. И скажи Циско, чтобы ехал в Ван-Нуйс. Я буду его там ждать.

– Сделаю. Не хочешь, чтобы Баллоке взяла на себя остальные сегодняшние встречи?

Баллоке – так мы в шутку называли мою новую помощницу Дженнифер Аронсон, поскольку она училась на юридическом факультете Юго-Западного университета, располагавшемся в старом здании универмага «Баллоке» на бульваре Уилшир.

– Нет, я не хочу, чтобы она заключала новые договоры. Просто переназначь все встречи. И еще: думаю, у меня есть с собой дело Треммел, но список телефонов у тебя. Найди номер ее сестры. У Лайзы есть ребенок. Наверное, он сейчас в школе, кто-то должен забрать его оттуда, поскольку сама Лайза этого сделать не сможет.

Мы просили каждого клиента давать несколько дополнительных контактов, потому что его иногда бывает трудно найти, когда назначают судебные слушания или... когда оказывается просроченной оплата моих услуг.

– Сейчас же все сделаю, – ответила Лорна. – Удачи, Микки.

– Тебе тоже.

Я захлопнул крышку телефона и стал думать о Лайзе Треммел. В каком-то смысле меня не удивило, что ее арестовали за убийство человека, который пытался отнять у нее дом. Правда, я никогда не думал, что дойдет до такого. Даже близко. Но глубоко внутри я знал: что-то должно случиться.

2

Я быстро принял наличные от миссис Пены и вручил ей расписку. Мы оба подписали договор, она получила копию для своего досье. Я также списал номер ее кредитной карты, а она поклялась, что, пока я на нее работаю, сумма ее кредита будет выдерживать мои 250 долларов в месяц. Затем я поблагодарил ее, пожал руку и велел Рохасу проводить ее до двери.

Пока он это делал, я быстро оттянул рычаг, открывающий багажник, и вышел из машины. Багажник «линкольна» был достаточно просторным, чтобы вместить три картонных ящика с папками плюс все мои офисные принадлежности. Я нашел дело Треммел в третьем ящике и достал его, а также заветный портфель, с которым всегда наносил визиты в полицейский участок. Закрыв багажник, я увидел на черной поверхности его крышки стилизованную цифру «13», написанную серебряной краской из распылителя.

– Сукины дети!

Я огляделся. Вдали, за третьим из выходящих на улицу палисадников, двое парнишек играли в грязи, но они были слишком малы для художников-граффитчиков. В остальном улица была пуста. Меня это озадачило. Я не только не слышал и не видел, как оскверняли мою машину, пока я внутри нее встречался с клиенткой, но и времени было всего начало второго, а я знал, что большинство членов уличных банд встают навстречу новому дню со всеми его возможностями лишь ближе к вечеру. Они были ночными птицами.

Направляясь с папкой в руке к открытой дверце и заметив, что Рохас стоит на первой ступеньке крыльца, болтая с миссис Пенной, я свистнул ему и сделал знак возвращаться. Нужно было спешить.

Я сел в машину. Рохас, получив сигнал, подбежал рысцой и запрыгнул на водительское место.

– В Комптон? – спросил он.

– Нет, планы меняются. Едем в Ван-Нуйс. Причем быстро.

– Есть, босс.

Он отъехал от тротуара и повел машину обратно, к автостраде 110. Другого пути отсюда в Ван-Нуйс не существовало. Приходилось возвращаться по Сто десятой в центр города, а там поворачивать по Сто первой на север. Трудно было представить себе более неудобную отправную точку для поездки в Ван-Нуйс.

– Что она там, на крыльце, говорила? – спросил я Рохаса.

– Расспрашивала о вас.

– То есть?

– Сказала, что, судя по всему, вы не нуждаетесь в переводчике, понимаете?

Я кивнул. Мне это уже надоело. Из-за материнских генов я выглядел так, словно родился скорее по южную, чем по северную сторону границы.

– Еще она хотела знать, женаты ли вы, босс. Я сказал, что были. Но если хотите, чтобы я дал задний ход, это можно. Похоже, она хочет, чтобы вы предоставили ей скидку на гонорар.

– Спасибо, Рохас, – сухо сказал я. – Она уже получила скидку, но я буду иметь в виду.

Прежде чем открыть дело, я просмотрел список контактов на своем телефоне – искал кого-нибудь из детективов ван-нуйсского участка, кто мог бы дать мне хоть какую-нибудь информацию. Но в списке никого не оказалось. Я приступал к делу об убийстве вслепую. Не слишком хорошее начало.

Закрыв телефон и положив его в футляр, я раскрыл папку. Лайза Треммел стала моей клиенткой, откликнувшись на стандартное письмо, какие я рассылал владельцам всех домов, подлежащих отчуждению. Разумеется, я был не единственным юристом в Лос-Анджелесе, который это делал. Но почему-то Лайза отозвалась именно на мое письмо.

Адвокату, имеющему частную практику, в большинстве случаев приходится тщательно отбирать клиентуру. Иногда выбор оказывается неверным. Лайза представляла собой как раз такой случай. Мне тогда не терпелось приступить к своей новой работе, и я искал клиентов, которые находились в особо тяжелом положении и которых явно обманули – людей, излишне наивных, не знающих своих прав и возможностей, то есть жертв несправедливости, – и увидел такого в лице Лайзы. Несомненно, она отвечала всем этим условиям. Она оказалась на пороге потери дома из-за стечения обстоятельств, которые стали выходить из-под контроля и рушиться, как костяшки домино. А для банка-кредитора, который действовал в обход правил и даже откровенно нарушал их, ее случай стал одним из многих, брошенных им на жернова своей мельницы. Я подписал договор с Лайзой, включил ее в кредитный план и вступил в борьбу от ее имени. Дело казалось перспективным, я был полон энтузиазма. И только впоследствии стало ясно, что Лайза – чрезвычайно хлопотный клиент.

Лайзе Треммел было тридцать пять лет. Она была замужем, имела девятилетнего сына по имени Тайлер и дом в Мельбе, на Вудленд-Хиллз. Когда они с мужем Джеффри в 2005 году купили этот дом, она преподавала социологию в средней школе Гранта, а Джеффри торговал машинами в агентстве фирмы «БМВ» в Калабасасе.

Их дом с тремя спальнями стоимостью в 900 000 долларов находился под ипотечным залогом в 750 000 долларов. Рынок тогда был стабилен, и получить ипотечный залог не составляло труда, их раздавали направо и налево. Они воспользовались услугами независимого маклера, тот оценил пакет их документов и устроил им низкопроцентную ссуду, которая, однако, предусматривала крупный заключительный платеж по истечении пяти лет. Затем эти деньги были обращены в инвестиционный пакет ценных бумаг, который был заложен и дважды перезаложен, пока не осел окончательно в банке «Уэстленд файненшиэл», точнее, в его филиале «Уэстленд нэшнл» – лос-анджелесском банке, головной офис которого располагался в районе Шерман-Оукс.

Все было прекрасно, пока Джефф Треммел не решил, что не желает больше быть мужем и отцом. За несколько месяцев до срока окончательной выплаты семисотпятидесяти тысячного ипотечного залога Джефф сбежал, оставив свой представительский образец «БМВ» на стоянке возле вокзала Юнион-стейшн, а Лайзе достался заключительный платеж по ипотеке.

Оказавшись с ребенком на попечении и имея единственный доход в виде своей зарплаты, Лайза взвесила ситуацию и сделала выбор. К тому времени экономика уже заваливалась, как самолет, оторвавшийся от земли, но не сумевший набрать нужной для взлета скорости. Учитывая размер ее зарплаты, учреждений, которые согласились бы рефинансировать ее заключительный платеж, не нашлось. Она прекратила выплаты по залому и не обращала никакого внимания на банковские уведомления. Когда срок выплаты долга миновал, дом перешел в собственность кредитора, и тут на сцене появился я. Я послал Джеффу и Лайзе письмо, не ведая о том, что Джефф больше не участвует в спектакле.

На письмо ответила Лайза.

Хлопотным я называю клиента, который не понимает границ своих взаимоотношений со мной, даже после того как я ясно и неоднократно их ему очертил. Лайза обратилась ко мне после получения первого уведомления о переходе ее дома к залогодержателю. Взявшись за ее дело, я велел ей сидеть тихо и ждать, пока я буду действовать. Но Лайза не могла сидеть тихо и не умела ждать. Она звонила мне каждый день. Когда я возбудил судебный процесс по делу об отъеме имущества, она являлась на все рутинные заседания и отложенные слушания. Ей необходимо было при всем присутствовать, видеть каждое письмо, которое я отсылал, и получать отчет по каждому телефонному звонку. Она часто звонила и кричала на меня, когда ей казалось, что я не уделяю ее делу всего своего внимания. Я начинал понимать, почему ее муж дал деру, – он просто не выдержал.

У меня даже возникли сомнения насчет ее психического здоровья: я подозревал маниакальный психоз. Периоды бурной активности с бесконечными телефонными звонками имели циклический характер. Недели, когда от нее не было ни слуху ни духу, перемежались неделями, когда она звонила не переставая, пока не добивалась ответа.

Через три месяца после того, как я взялся за ее дело, она сообщила, что потеряла работу из-за частых прогулов. Именно тогда она заговорила о взыскании ущерба с банка, пытавшегося отнять у нее дом. Идея о возмещении убытков вылилась в поток речей. Банк был теперь ответственным за все: за то, что ее бросил муж, за то, что она потеряла работу, за то, что лишилась дома.

Я допустил ошибку, отчасти поделившись с ней добытыми сведениями и своей стратегией. Сделал я это для того, чтобы укротить ее и убрать с дороги. Изучение ссудного досье обнаружило несоответствия и утечки при перепродаже залога разным акционерным компаниям. Имелись явные признаки мошенничества, которые я рассчитывал обратить в пользу Лайзы, когда дело дойдет до переговоров о поисках выхода.

Но информация только возбудила Лайзу, она уверовала, что стала жертвой в руках банка. Она никогда даже не принимала в расчет и не обсуждала тот факт, что подписала условия залога и обязалась, таким образом, выплатить его. Она рассматривала банк лишь как причину всех своих несчастий.

Первое, что она сделала, – зарегистрировала сайт www.californiaforeclosurefighters.com для создания организации ФЛАГи использовала изображения американского флага на своих обличительных плакатах. Подтекст состоял в том, что борьба против отъема домов – такой же американский «бренд», как яблочный пирог. После этого она начала регулярно маршировать перед корпоративным офисом на бульваре Вентура. Иногда одна, иногда со своим малолетним сыном, а иногда в компании людей, которых привлекла на свою сторону. При этом она носила плакаты, обвинявшие банк в незаконном отъеме собственности и в том, что он выбрасывает семьи на улицу.

Очень скоро деятельность Лайзы вызвала живой интерес местных средств массовой информации. Ее часто звали на телевидение, и она пребывала в постоянной готовности служить рупором всех тех, кто оказался в ее ситуации, то есть истинных жертв эпидемии отъема домов, а не каких-нибудь заурядных бездельников. Я заметил, что на Пятом канале запись ее выступлений вошла в набор роликов, которые выводили на экран каждый раз, когда требовалось проиллюстрировать общенациональную проблему домовладельцев, лишившихся своих домов. Калифорния занимала среди американских штатов третье место по уровню эпидемии, а Лос-Анджелес и вовсе был рассадником заразы. После того как оглашалась эта статистика, на экране появлялась Лайза со своими соратниками, у всех в руках были плакаты вроде «Руки прочь от моего дома!» или «Немедленно прекратить незаконный отъем домов!».

Под предлогом того, что эти пикеты не были санкционированы, затрудняли автомобильное движение и создавали угрозу для пешеходов, «Уэстленд» обратился в суд и получил судебный приказ, запрещающий Лайзе приближаться менее чем на сто ярдов к какому бы то ни было банковскому офису или его сотрудникам. Ничуть не обескураженная, Лайза перевела своих сторонников с их плакатами к зданию окружного суда, где каждый день проходили слушания по делам об отъеме домов.

Митчелл Бондурант был старшим вице-президентом «Уэстленда» и возглавлял отдел ипотечных залогов. Его имя значилось на залоговых документах, касающихся дома Лайзы Треммел, и соответственно на всех документах моего дела. Именно к нему я обращался с письмом, в котором описал то, что назвал признаками мошенничества, с помощью которого уэстлендский конвейер отъема домов делал свою грязную работу, отбирая дома и иную собственность у своих обанкротившихся клиентов. Лайза имела право просматривать все бумаги по своему делу и копировала все до последней странички. Хотя Бондурант и олицетворял собой силу, отбиравшую у нее дом, на самом деле он оставался над схваткой, скрываясь за командой

банковских юристов. На мое письмо он так и не ответил, и я никогда с ним не встречался. Мне также не было известно, чтобы Лайза Треммел когда-нибудь встречалась или разговаривала с ним. Но теперь он был мертв, а Лайза – под стражей.

Мы съехали на бульвар Ван-Нуйс и взяли курс на север. Деловой центр представлял собой площадь, окруженную двумя зданиями суда, библиотекой, муниципалитетом и комплексом зданий полицейского управления Долины, где и находился ван-нуйсский участок. Вокруг этой первой линии толпились другие государственные учреждения. Парковка здесь представляла собой проблему, но это была не моя забота. Я достал телефон и позвонил своему сыщику Деннису Войцеховскому.

– Циско, это я. Ты далеко?

В молодости Войцеховский гонял с «Ангелами дорог», но у них уже был член команды по имени Деннис. Фамилию же «Войцеховский» никто выговорить не мог, поэтому они называли его Малыш Циско – наверное, из-за смуглой кожи и усов. Усы он впоследствии сбрил, а кличка так к нему и прилипла.

– Я уже здесь. Жду тебя на скамейке перед входом в полицейское управление.

– Буду через пять минут. Ты еще ни с кем не разговаривал? А то я никого не нашел.

– Да, твой старый приятель Керлен рулит этим делом. Жертва, Митчелл Бондурант, был найден на парковке головного офиса «Уэстленда» на бульваре Вентура сегодня утром около девяти, на полу между двумя машинами. Непонятно, сколько он там пролежал, но нашли его мертвым.

– Причина смерти еще не ясна?

– Вот тут какая-то нестыковочка. Сначала сказали, что его застрелили, потому что некий служащий, находившийся на другом уровне парковки, отвечая на вопросы полицейских, заявил, будто слышал два хлопка, похожих на выстрелы. Но когда тело осмотрели на месте, все выглядело так, словно его чем-то тяжелым огрели по голове, до смерти.

– Лайзу Треммел арестовали на месте убийства?

– Нет, насколько я понял, ее взяли дома, в Вудленд-Хиллз. Я еще жду кое-каких звонков, но это будет всего лишь уточнение того, что я уже узнал на настоящий момент. Извини, Мик.

– Не волнуйся. Очень скоро мы все узнаем. Керлен на месте преступления или с подозреваемой?

– Мне сказали, что это они с напарником задержали Треммел и привезли сюда. Его напарник – женщина, зовут Синтия Лонгстрет. Д-один. Никогда о ней не слышал.

Я тоже никогда о ней не слышал, но, поскольку она была Д-один – детективом первой категории, предположил, что в убийных делах она новичок, поэтому-то ее и поставили в пару с ветераном Керленом, детективом третьей категории – опыта набираться. Я посмотрел в окно. Мы проезжали торговый салон «БМВ», и это привело на память исчезнувшего мужа Лайзы, который до того, как похерил свой брак и смылся, продавал «бимеры». Интересно, объявится ли Джефф Треммел теперь, когда его жену арестовали за убийство? Возьмет ли на себя заботу о сыне, которого бросил?

– Хочешь, чтобы я вызвал сюда Валенсуэлу? – спросил Циско. – Он всего в квартале отсюда.

Фернандо Валенсуэла был поручителем, услугами которого я пользовался, когда работал в Долине. Но я знал, что на этот раз он не понадобится.

– Подождем пока. Если ей вменяют убийство, ее не выпустят под залог.

– Ну да, правильно.

– Ты не знаешь, прокурора от округа уже назначили?

Я подумал о своей бывшей жене, которая работала в ван-нуйсской окружной прокуратуре. Она могла быть неофициальным, но полезным источником информации – если только

это дело не передали именно ей, тогда получится конфликт интересов. Такое раньше случилось. Мэгги Макферсон это не понравится.

– У меня нет никаких сведений по этому вопросу.

Я стал размышлять: как лучше действовать, располагая столь скудной информацией? Как только полиция поймет, какое дело на них свалилось – убийство, которое может привлечь широкое внимание к одной из крупнейших финансовых катастроф нашего времени, – они живо перекроют все источники информации. Действовать надо было немедленно.

– Циско, я передумал. Не жди меня. Езжай на место преступления и разведай там все, что сможешь. Поговори с людьми прежде, чем будет наложен запрет на разглашение информации.

– Ты уверен?

– Да. Ая займусь полицейским управлением. Если мне что-то понадобится, я позвоню.

– Понял. Удачи.

– Тебе тоже.

Я закрыл телефон и уставился в затылок своего водителя.

– Рохас, поворачивай направо по Делано и вези меня в Силмар.

– Без проблем.

– Не знаю, сколько я там пробуду. Я хочу, чтобы ты меня высадил, потом вернулся на бульвар Ван-Нуйс и нашел там автосервис. Узнай, смогут ли они закрасить багажник машины.

Рохас посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

– В какой цвет?

3

Здание ван-нуйсского полицейского управления представляет собой многофункциональное четырехэтажное сооружение. В нем располагаются и местное полицейское управление, и руководство местного отделения ФБР, и главная тюрьма, обслуживающая северный округ города. Мне доводилось бывать здесь прежде по делам службы, и я знал, что, как и в большинстве лос-анджелесских полицейских подразделений, больших или малых, здесь будут строить массу препятствий на пути моего общения с клиенткой.

У меня всегда было подозрение, что хитрые начальники назначали офицеров в дежурную часть исходя из их способности темнить и дезинформировать. Если сомневаетесь, войдите в любой полицейский участок города, скажите встречающему вас дежурному офицеру, что хотите пожаловаться на некоего их сотрудника, и засекуте, сколько времени ему понадобится, чтобы найти нужную форму заявления. Дежурные полицейские обычно бывают либо молодыми, неразговорчивыми, непреднамеренно беспомощными и несведущими, либо старыми, грубыми и полностью осознающими, что они делают.

В ван-нуйсском управлении меня встретил офицер по фамилии Кримминз, крупными буквами напечатанной на его хрустящей униформе. Это был седовласый ветеран, за свою долгую карьеру в совершенстве овладевший искусством смотреть сквозь посетителя ничего не выражающим взглядом. Именно такой взгляд он впери́л в меня, когда я представился адвокатом клиента, который ждет встречи со мной в сыском отделе. Его ответ состоял из поджатых губ и перста, указующего на ряд пластмассовых стульев, где, как предполагалось, я должен покорно ждать, пока он сочтет нужным позвонить наверх.

Типы вроде Кримминза предназначены для трусливой публики – для тех, кто будет вести себя именно так, как он велит, потому что слишком робки, чтобы что-нибудь предпринять. Я был не из их числа.

– Нет, так дело не пойдет, – сказал я.

Кримминз прищурился. В тот день перечить ему еще не решился никто, не говоря уж об адвокатишке по уголовным делам – с ударением на слове *«уголовным»*. Его первым побуждением было «включить» сарказм.

– Да неужели?

– Да, именно так. Поэтому снимите-ка трубку и позвоните наверх детективу Керлену. Скажите, что Микки Холлер уже поднимается к нему, и если я не увижу свою клиентку в течение ближайших десяти минут, то перейду через площадь, войду в здание суда и обращусь к судье Миллзу.

Я сделал паузу, чтобы имя успело дойти до офицера, потом продолжил:

– Уверен, вам известен судья Роджер Миллз. На мое счастье, до того, как его избрали судьей, он был адвокатом по уголовным делам. Он и тогда очень не любил, когда его самого пытались водить за нос в полиции, и теперь не любит, когда подобное проделывают с другими, поэтому вытащит и вас, и Керлена в суд и заставит объяснить, почему вы играете в эту старую игру, препятствуя гражданину в осуществлении его конституционного права проконсультироваться с адвокатом. Когда это случилось в прошлый раз, судье Миллзу не понравились полученные им ответы, и он приговорил субъекта, сидевшего на вашем месте, к штрафу в пять сотен.

Похоже, Кримминзу, пока он слушал мою речь, стало не по себе. Он был человеком сообразительным, судя по всему, поэтому, дважды моргнув, потянулся к телефону. Я услышал, что он разговаривает с Керленом напрямую. Повесив трубку, Кримминз сказал:

– Дорогу знаете, умник?

– Я знаю дорогу. Благодарю вас за помощь, офицер Кримминз.

– Еще увидимся.

Он направил на меня указательный палец, как дуло пистолета, и изобразил выстрел, чтобы утешаться мыслью, будто последнее слово осталось за ним – он, мол, разобрался с этим сукиным сыном адвокатишкой. Я миновал его стол и направился в ближайшую нишу, где, как мне было известно, располагался лифт.

На площадке третьего этажа меня уже ждал улыбающийся детектив Ховард Керлен. Его улыбку трудно было назвать дружеской. Он напоминал кота, только что слопавшего канарейку.

– Хорошо повеселились внизу, советник?

– О да.

– Ну что ж, а здесь вы опоздали.

– Что это значит? Вы завели на нее дело?

Он издевательски развел руками, как бы говоря: «Увы, мне очень жаль».

– Забавно. Моя напарница увела ее отсюда как раз перед тем, как мне позвонили снизу.

– О, какое совпадение! Тем не менее я хочу с ней поговорить.

– Тогда вам придется идти в тюрьму.

Это стоило бы мне минимум лишнего часа ожидания. Именно поэтому Керлен улыбался.

– Вы уверены, что не можете вернуть свою напарницу и попросить ее привести мою клиентку обратно? Мы не отнимем у вас много времени.

Я произнес это, хотя сознавал, что плюю против ветра. Но Керлен удивил меня: он достал телефон из прикрепленного к поясу футляра и нажал кнопку быстрого набора. Либо это была изощренная игра, либо он действительно делал то, о чем я просил. Наши отношения с Керленом имели свою историю. Нам с ним уже доводилось стоять по разные стороны баррикады во время слушания других дел, и я не раз пытался подорвать доверие к нему, когда он оказывался на свидетельском месте. Преуспеть в этом мне никогда особенно не удавалось, однако установлению сердечных отношений это в любом случае не способствовало. И вот теперь он оказывал мне услугу, а я не понимал почему.

– Это я, – сказал в трубку Керлен. – Приведи ее обратно. – И видимо, выслушав недомысленный вопрос, «объяснил»: – Потому что я так сказал. Веди ее сюда сейчас же.

Не сказав своей напарнице больше ни слова, он захлопнул трубку и посмотрел на меня.

– Вы мой должник, Холлер. Я мог бы промурыжить вас часа два. В старые времена я так бы и сделал.

– Знаю. И ценю это.

Керлен направился в отдел и сделал мне знак следовать за ним. По дороге он непринужденно заметил:

– Когда ваша клиентка просила разрешения позвонить вам, она сказала, что вы занимаетесь ее делом об отъеме дома.

– Это правда.

– Моя сестра разошлась с мужем и сейчас попала в такую же передрагу.

Так вот в чем дело. Услуга за услугу.

– Вы хотите, чтобы я с ней поговорил?

– Нет, я просто хочу знать, что лучше: пытаться бороться или просто махнуть рукой?

Комната, в которой располагался отдел, выглядела так, словно она выпала из времени. Здесь все осталось, как в 1970-х: линолеум на полу, желтые стены двух оттенков и серые казенные столы с резиновыми накладками по углам. В ожидании возвращения своей напарницы с моей клиенткой Керлен остался стоять.

Я достал из кармана визитку и протянул ему.

– Вы разговариваете с бойцом, это и есть мой ответ. Сам я не могу заняться ее делом из-за конфликта интересов между вами и мной. Но скажите ей, чтобы она позвонила мне в контору, и мы подыщем для нее хорошего адвоката. Пусть сошлется на вас.

Керлен кивнул, взял со стола DVD-диск и передал мне.

– Могу показать вам это прямо сейчас.

Я взглянул на диск.

– Что это?

– Наша беседа с вашей клиенткой. Вы сможете убедиться, что мы прекратили разговор, как только она произнесла заветные слова: мне нужен адвокат.

– Я непременно удостоверюсь в этом, детектив. Не хотите ли объяснить, почему вы ее подозреваете?

– Разумеется. Мы ее подозреваем и выдвигаем против нее обвинение, потому что она это сделала и призналась до того, как попросила вызвать адвоката. Простите, советник, но мы играли по правилам.

– Вы хотите сказать, что она призналась в убийстве Бондуранта?

– Ну не то чтобы во всех подробностях. Но в ее словах содержались и признание, и противоречия. Больше ничего говорить не буду.

– Не сказала ли она, случайно, и в таких же «подробностях», почему она это сделала?

– А в этом не было нужды. Жертва собиралась отнять у нее дом. Это более чем достаточный мотив. Так что с мотивом у нас никаких проблем.

Я мог бы сказать ему, что он ошибается, что я как раз нахожусь в процессе приостановки дела о лишении ее права собственности на дом, но предпочел помалкивать. Моя работа состояла в том, чтобы собирать информацию, а не выдавать ее.

– Что вы еще нарыли, детектив?

– Ничего такого, чем я хотел бы поделиться с вами на данный момент. Придется вам подождать окончания расследования.

– Так я и сделаю. Прокурора из округа уже назначили?

– Если и назначили, то мне это неизвестно.

Керлен кивнул на заднюю дверь, я обернулся и увидел, как в смежную комнату для допросов вводят Лайзу Треммел. У нее был классический вид оленя, ослепленного автомобильными фарами.

– У вас пятнадцать минут, – сказал Керлен. – И то только потому, что я сегодня добрый. Полагаю, нам незачем развязывать войну.

Во всяком случае, пока, подумал я, направляясь в комнату для допросов.

– Эй, минутку! – окликнул меня Керлен. – Я должен проверить ваш кейс. Правила, знаете ли.

Он имел в виду алюминиевый, обтянутый кожей атташе-кейс, который я нес в руке. Можно было бы, конечно, затеять спор насчет обыска, нарушающего право адвоката не разглашать информацию, полученную от клиента, но я хотел поговорить со своей клиенткой, поэтому сделал несколько шагов назад, шлепнул кейс на стол и, щелкнув замками, открыл его. Все, что в нем было, – это папка с делом Лайзы Треммел, чистый блокнот, а также новый договор и доверенность на осуществление адвокатских полномочий, которые я распечатал в машине по дороге в полицию. Лайза должна была подписать эти документы заново, поскольку теперь мне предстояло вести не гражданское, а уголовное дело.

Керлен бегло осмотрел содержимое моего кейса и кивком разрешил закрыть его.

– Итальянская кожа ручной выделки, – сказал он. – Выглядит как шикарный кейс наркоторска. Вы ведь не якшаетесь с неправильными людьми, а, Холлер?

Он снова изобразил улыбку поживившегося канарейкой кота. Юмор у полицейских во всем мире одинаков.

– Вообще-то он действительно принадлежал наркокурьеру, – сказал я. – Клиенту. Но там, куда он отправлялся, он бы ему больше не понадобился, так что я взял его в счет оплаты моих услуг. Хотите посмотреть секретное отделение? Его, правда, трудно отыскать.

– Думаю, можно обойтись без этого. Вы ведь честный человек.

Я закрыл кейс и снова направился в комнату для допросов, бросив на ходу:

– А кожа на нем – колумбийская.

Напарница Керлена ждала возле двери. Мы с ней не были знакомы, но я не считал нужным представляться. Становиться друзьями мы не собирались, и я предполагал, что она из тех, кто постарается придать рукопожатию надменность, чтобы произвести впечатление на Керлена.

Она придержала дверь, и я переступил порог.

– Все прослушивающие и записывающие устройства выключены, надеюсь?

– Можете не сомневаться.

– В противном случае это будет нарушением прав моей клиентки...

– Мы правила знаем.

– Да, но иногда ради собственного удобства забываете о них, не так ли?

– Сэр, у вас осталось четырнадцать минут. Вы хотите поговорить с ней или предпочитаете продолжить беседу со мной?

– Вы правы.

Я вошел, и дверь за мной закрылась. Это была комната размером девять на шесть футов. Я посмотрел на Лайзу и приложил палец к губам.

– Что? – спросила она.

– Это значит – ни слова, Лайза, пока я не разрешу.

Ответом мне были поток слез и долгое громкое завывание, перешедшее в какую-то абсолютно нечленораздельную фразу. Лайза сидела у квадратного стола, по другую сторону которого имелся еще один стул. Я быстро сел на него и поставил кейс на стол. Я точно знал, что ее место будет расположено напротив скрытой камеры, поэтому не стал утруждать себя поиском. Резко раскрыв кейс, я придвинул его к себе вплотную, надеясь, что моя спина загородит его от объектива. Нужно было действовать исходя из того, что Керлен со своей напарницей наблюдают за нами и слушают нас, и это было еще одной причиной того, что он «сегодня добрый».

Правой рукой доставая блокнот и документы, левой я одновременно открыл секретное отделение и нажал кнопку включения на глушителе. Устройство излучало низкочастотный радиосигнал и забивало любую прослушку в радиусе двадцати пяти футов электронными шумами. Если Керлен и его напарница решили нелегально прослушивать то, что происходит в комнате, то теперь до них доходят только сплошные помехи.

Этому кейсу с его тайным приспособлением было почти десять лет, а его прежний владелец, насколько мне было известно, по-прежнему находился в федеральной тюрьме. Я получил чемоданчик в счет гонорара минимум семь лет назад, когда зарабатывать на хлеб с маслом мне позволяли именно дела о торговле наркотиками. Разумеется, в полиции стараются постоянно совершенствовать свои «мышеловки», а десяти лет достаточно и для двух революций в области подслушивающей электронной аппаратуры, так что полной уверенности быть не могло, приходилось проявлять осторожность, тщательно контролируя свои слова. Я надеялся, что и моя клиентка будет осмотрительна.

– Лайза, мы сейчас не станем обсуждать все, потому что не знаем, кто нас может услышать. Вы поняли?

– Думаю, да. Но что здесь происходит? Я не понимаю, что происходит?!

Ее голос поднимался все выше, пока на последнем слове не сорвался на визг. Такую модель эмоционального поведения она использовала несколько раз, разговаривая со мной по телефону, еще когда я занимался делом о ее доме. Теперь ставки возросли, и я должен был с самого начала очертить условия.

– Лайза, только без этого, – твердо сказал я. – Кричать на меня не надо. Вы поняли? Если я соглашусь представлять ваши интересы по этому делу, вы никогда не будете на меня кричать.

– Хорошо, простите, но они утверждают, будто я сделала то, чего я не делала.

– Я знаю, и мы постараемся доказать это. Но только никаких истерик.

Поскольку ее задержали до предъявления обвинения, Лайза была пока в своей одежде: в белой футболке с цветком на груди. Я не заметил ни на ней, ни где бы то ни было еще следов крови. Лицо было исполосовано подтеками от слез, а курчавые каштановые волосы беспорядочно торчали во все стороны. Лайза была женщиной миниатюрной, а в резком свете допросной казалась еще более хрупкой.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, – продолжил я. – Где вы были, когда вас нашла полиция?

– Я была дома. Почему они так со мной поступают?

– Лайза, послушайте меня. Вы должны успокоиться и дать мне возможность расспросить вас. Это очень важно.

– Но что происходит? Мне никто ничего не говорит. Они сказали, что я арестована за убийство Митчелла Бондуранта. Когда? Как? Я близко не подходила к этому человеку. Я не нарушала ЗСП.

Я понял, что следовало посмотреть керленовский DVD прежде, чем разговаривать с ней. Но мне было не впервой начинать дело с невыгодной позиции.

– Лайза, вы действительно арестованы по подозрению в убийстве Митчелла Бондуранта. Детектив Керлен – он старший – сказал мне, что вы сделали признание в...

Она съежилась, закрыла лицо руками – я увидел, что она в наручниках, – и разразилась новым потоком слез.

– Я ни в чем не признавалась! Я ничего не сделала!

– Успокойтесь, Лайза. Именно для этого я здесь – чтобы защищать вас. Но сейчас у нас очень мало времени. Мне дали десять минут, после этого вас уведут. Мне нужно...

– Меня посадят в тюрьму?

Я нехотя кивнул.

– А как насчет залога?

– По делу об убийстве очень трудно получить освобождение под залог. И даже если бы мне удалось чего-то добиться, у вас нет...

Новый пронзительный вой наполнил комнату. Мое терпение лопнуло.

– Лайза! Прекратите немедленно! А теперь слушайте: на кону ваша жизнь, так? Вы должны успокоиться и выслушать меня. Я ваш адвокат и сделаю все возможное, чтобы вытащить вас отсюда, но это потребует времени. Поэтому слушайте мои вопросы и отвечайте без всех этих...

– А мой сын? Как же Тейлор?

– Из моего офиса сейчас связываются с вашей сестрой, он побудет у нее, пока мы не сумеем вытащить вас.

Я был очень осторожен, чтобы не давать прямых обещаний относительно ее освобождения. «Пока мы не сумеем вытащить вас». Я отдавал себе отчет в том, что на это могут уйти не то что дни, но недели или даже годы. А может, этого и вообще никогда не случится. Но я не собирался уточнять.

Лайза кивнула, словно почувствовала облегчение, узнав, что о сыне позаботится ее сестра.

– Что насчет вашего мужа? У вас есть его телефон?

– Нет, я не знаю, где он, и в любом случае не желаю с ним связываться.

– Даже ради сына?

– Особенно ради сына. Сестра о нем позаботится.

Я кивнул и оставил эту тему. Сейчас не время было расспрашивать о ее неудавшемся браке.

– Ладно, а теперь давайте спокойно поговорим о сегодняшнем утре. Детективы дали мне диск с записью вашей беседы, но я хочу услышать все непосредственно от вас. Вы сказали, что находились дома, когда появились детектив Керлен и его напарница. Чем вы занимались?

– Я... я сидела за компьютером. Рассылала имейлы.

– Хорошо. Кому?

– Своим друзьям. Сообщала им, что мы собираемся перед зданием суда в десять, и просила принести плакаты.

– Понятно. Когда появились детективы, что именно они сказали?

– Говорил только мужчина. Он...

– Керлен.

– Да. Они вошли и стали меня расспрашивать. Потом он спросил, не возражаю ли я против того, чтобы проехать с ними в полицейский участок, чтобы ответить на кое-какие вопросы. Я спросила – о чем, он ответил: о Митчелле Бондуранте. Он ничего не сказал о том, что того убили, что он мертв. Поэтому я согласилась, подумала: может, они наконец начали следствие против него. Я не знала, что они ведут следствие против меня.

– Ага, а довел ли он до вашего сведения, что вы имеете право ничего ему не говорить и связаться с адвокатом?

– Да, точно как показывают по телевизору. Он зачитал мне мои права.

– Когда именно он это сделал?

– Уже когда мы приехали сюда и он объявил, что я арестована.

– Вы ехали вместе с ним?

– Да.

– В машине о чем-нибудь разговаривали?

– Нет, он почти все время говорил по сотовому. Я слышала, как он произнес что-то вроде: «Она со мной».

– Вы были в наручниках?

– В машине? Нет.

Хитрый Керлен. Рискнул ехать в машине с предполагаемой убийцей без наручников, чтобы усыпить ее бдительность и разговорить. Трудно придумать более эффективную ловушку. Это также давало обвинению основания утверждать, что Лайза тогда еще не была под арестом и, следовательно, сделала свое заявление добровольно.

– Значит, он вас сюда привез, и вы согласились поговорить с ним?

– Да. Я понятия не имела, что они собираются меня арестовать, думала, что я им помогаю расследовать дело.

– Но Керлен не сказал вам, что это было задело?

– Да нет же, ничего подобного. Это я поняла только тогда, когда он сказал, что я арестована и могу сделать один звонок. Тогда-то они и надели на меня наручники.

Керлен использовал очень старый трюк из полицейского арсенала, но эти трюки по-прежнему у них на вооружении, потому что продолжают работать. Для того чтобы понять, в чем именно призналась Лайза – если она вообще в чем-то призналась, – надо будет просмотреть диск. Спрашивать ее об этом в нынешнем расстроенном ее состоянии было не самой продуктивной тратой моего ограниченного времени. Словно для того, чтобы подтвердить это, внезапно раздался резкий стук в дверь, за которым из-за нее последовало приглушенное предупреждение, что у меня осталось две минуты.

– Ладно, надо всем этим я поработаю, Лайза. Но сначала мне нужно, чтобы вы подписали несколько документов. Вот это – новый договор, на защиту по уголовному делу.

Я пододвинул ей листок с договором и сверху положил ручку. Она начала его читать.

– Все эти гонорары, – сказала она. – Полторы сотни долларов за участие в каждом судебном заседании... Я не могу столько платить. У меня столько нет.

– Это стандартная ставка, и это только в том случае, если дело дойдет до суда. Что же касается вашей платежеспособности, то об этом как раз сказано в других документах. Вот этот предоставляет мне полномочия вашего адвоката на все, включая переговоры об издании книги и кинопроектах, – на все, что может воспоследовать из вашего процесса. У меня есть агент, с которым я давно работаю по таким делам. Если в принципе что-то сделать будет можно, он это сделает. И последний документ, о праве удержания со всех будущих доходов, гласит, что выплаты в пользу защиты осуществляются в первую очередь.

Я знал, что это дело привлечет широкое внимание. Эпидемия отъема ипотечных домов была в тот момент величайшей финансовой катастрофой страны. На этом можно было сделать книгу, может быть, даже фильм, и я в конце концов должен буду получить свои деньги.

Лайза не стала читать дальше, она взяла ручку и подписала все документы. Я забрал их и спрятал в кейс.

– А теперь, Лайза, внимание: то, что я скажу вам сейчас, – самый важный в мире совет. Поэтому я хочу, чтобы вы его внимательно выслушали и сказали мне, что все поняли.

– Хорошо.

– Не разговаривайте о своем деле ни с кем, кроме меня. Ни с детективами, ни с тюремщиками, ни с сокамерницами, ни даже с сестрой и сыном. Кто бы о чем вас ни спрашивал – а спрашивать будут, поверьте мне, – просто отвечайте, что вы не можете говорить о своем деле.

– Но я не сделала ничего противозаконного. Я невиновна! Это же только те, кто виновны, отказываются отвечать на вопросы.

Я предостерегающе поднял палец.

– Вы ошибаетесь, и сдается мне, что вы не восприняли всерьез то, что я вам сказал.

– Нет, я восприняла, восприняла.

– Тогда делайте так, как я велел. Ни с кем не разговаривайте. Это касается и тюремного телефона. Все разговоры записываются, Лайза. Не говорите о деле по телефону даже со мной.

– Хорошо-хорошо. Я поняла.

– Если вам так будет легче, можете на все вопросы отвечать: я не виновна ни в чем из того, в чем меня обвиняют, но по совету своего адвоката не буду говорить о своем деле. Так пойдет?

– Думаю, да.

Дверь открылась, и на пороге появился Керлен. Он искоса с подозрением посмотрел на меня, из чего я понял, что был совершенно прав, прихватив с собой глушитель. Я снова обернулся к Лайзе:

– Нет худа без добра, Лайза. Держитесь и помните золотое правило: ни с кем не разговаривать. – Я встал. – В следующий раз увидимся на предварительном слушании и там сможем поговорить. А теперь идите с детективом Керленом.

4

На следующее утро Лайза Треммел впервые предстала перед Лос-Анджелесским Высшим судом³ по обвинению в убийстве первой степени. Окружная прокуратура добавила в обвинительный акт особый пункт, о предварительной засаде, что давало ей право требовать пожизненного заключения без права на условно-досрочное освобождение или даже смертной казни. Для стороны обвинения это было разменной монетой на предмет торговли. Наверняка прокуратура захочет получить признательное заявление, чтобы закрыть это дело прежде, чем общественные симпатии окажутся на стороне обвиняемой. А есть ли лучший способ добиться желаемого результата, чем подвесить над головой обвиняемого пожизненное без права УДО или смертную казнь?

Зал суда, включая проходы, был битком набит представителями средств массовой информации, рекрутами Лайзы и сочувствующими. За один день, как только распространилась версия полиции и прокуратуры о том, что дело об отъеме дома, вероятно, послужило причиной убийства банкира, история приобрела особый статус. Она придала национальной финансовой катастрофе кровавый оттенок, что, в свою очередь, заставило людей ломиться в суд.

Проведя почти сутки в камере, Лайза заметно успокоилась. Она стояла в боксе для заключенных как зомби в ожидании двухминутных слушаний по своему делу. Я заверил ее, во-первых, в том, что ее сын в надежных и заботливых руках ее сестры и, во-вторых, что «Холлер и партнеры» сделает все возможное, чтобы обеспечить ей самую лучшую и активную защиту. В данный момент ее больше всего беспокоило, как выйти из тюрьмы, чтобы снова взять на себя заботу о сыне и всемерно помогать своей команде.

Хотя первые судебные слушания были призваны только огласить обвинение и являлись лишь отправной точкой юридического процесса, они все же предоставляли возможность обратиться к судье с просьбой об освобождении под залог и подискутировать на эту тему. Я собирался воспользоваться этой возможностью, поскольку моя профессиональная философия состояла в том, чтобы ни один камень не оставлять неперевернутым и ни один вопрос юридического характера неоспоренным. Однако к результатам своего запроса я относился пессимистично. Закон предусматривал вероятность залога. Но в реальности залог для обвиняемых в убийстве обычно устанавливался в миллионных размерах, чтобы сделать его недоступным для обычного человека. Моя клиентка являлась безработной матерью-одиночкой, чей дом находился в процессе передачи в собственность залогодержателя. Семизначный залог означал, что Лайзу не выпустят из тюрьмы.

Судья Стивен Флаэрти вытащил дело Треммел из стопки и положил наверх, чтобы потрафить журналистам. Андреа Фриман, прокурор, назначенный округом, зачитала обвинения, и судья установил срок заседания на следующую неделю. До этого момента Треммел не должна была делать никаких заявлений. Вся эта рутинная процедура была проведена очень быстро. Флаэрти уже было собирался объявить короткий перерыв, чтобы пресса могла собрать свое оборудование и удалиться, но тут слово взял я и внес ходатайство об установлении залога для моей клиентки. Побочной причиной, чтобы сделать это, было желание посмотреть, какотреагирует обвинение. Иногда мне везло, и обвинитель, ратуя за крупную сумму залога, отчасти раскрывал свою будущую стратегию и имеющиеся у него в наличии доказательства.

Но Фриман была слишком хитра, чтобы допустить такую оплошность. Она лишь сказала, что Лайза Треммел представляет собой угрозу для общества и ее не следует отпускать под залог – во всяком случае, на этой стадии процесса. Она отметила, что человек, явившийся

³ Промежуточная судебная инстанция в ряде штатов США между судебными учреждениями первой инстанции и Верховным судом штата.

жертвой преступления, действовал не единолично, а был лишь звеном цепи в деле о лишении Лайзы права на собственность. Следовательно, другие люди и учреждения, составляющие эту цепь, могут оказаться в опасности, если Треммел отпустят на свободу.

Ничего нового для себя я не услышал. Было с самого начала очевидно, что обвинение использует в качестве мотива убийства Митчелла Бондуранта отъем дома у Лайзы. Фриман сказала только то, что является стандартным аргументом против залога, но не выдала ничего, что касалось ее плана выстраивания обвинения. Она была хорошим прокурором, и нам доводилось встречаться с ней по другим делам. Насколько помнится, я проиграл их все.

Когда настала моя очередь, я возразил, что нет никаких признаков, не говоря уж о доказательствах того, что Треммел может либо угрожать обществу, либо предпринять попытку скрыться. Без таких доказательств судья не имел оснований отклонить ходатайство о залоге.

Свое решение Флаэрти разделил между нами ровно пополам, присудив победу защите тем, что разрешил освобождение под залог, и выигрыш обвинению – тем, что назначил залог в размере двух миллионов долларов. Результат сводился к тому, что Лайза не могла уйти из тюрьмы. Она должна была либо представить гарантию наличия у нее доходов или собственности стоимостью не менее двух миллионов, либо найти поручителя. Поручительство требовало уплаты десятипроцентного аванса, то есть двухсот тысяч наличными, о чем не могло быть и речи. Так что она оставалась в тюрьме.

Наконец судья объявил перерыв, что давало мне несколько минут для разговора с Лайзой, прежде чем ее уведут. Пока журналисты покидали зал суда, я еще раз строго предупредил ее держать рот на замке.

– Лайза, теперь, когда к делу приковано внимание прессы, это еще более важно. Они могут попытаться добраться до вас в тюрьме – либо напрямую, либо через ваших сокамерниц или посетителей, которым, с вашей точки зрения, можно доверять. Так что помните...

– Ни с кем не разговаривать. Я это усвоила.

– Отлично. Теперь я хочу, чтобы вы знали, что сегодня мы со всеми моими сотрудниками собираемся, чтобы обсудить ход дела и выработать стратегию. У вас есть что-нибудь, что вы могли бы предложить нам для обсуждения? Что-нибудь, что может нам помочь.

– У меня есть только один вопрос, лично к вам.

– Что за вопрос?

– Почему вы ни разу не спросили меня, совершила ли я на самом деле то, в чем меня обвиняют?

Я увидел появившегося судебного пристава, он встал в дверях за спиной у Лайзы, готовый увести ее.

– Мне нет необходимости спрашивать вас об этом, Лайза, – сказал я. – Чтобы делать свою работу, мне не нужно знать ответа на этот вопрос.

– Тогда мне жаль, что у нас такая система правосудия. Я не уверена, что хочу иметь адвоката, который мне не верит.

– Что ж, выбор за вами. Не сомневаюсь, что адвокаты, которые пожелают взять ваше дело, выстроятся в очередь перед зданием суда. Но никто из них не знает обстоятельств этого дела и дела об отчуждении вашего дома так, как я, а если они будут говорить, что верят вам, это еще вовсе не значит, что так оно и есть. Я предпочитаю избегать подобной чуши. Мой девиз: не спрашивают – не отвечай. И это касается обеих сторон. Не спрашивайте меня, верю ли я вам, и мне не придется вам ничего говорить.

Я сделал паузу, чтобы увидеть, захочет ли она мне возразить. Она не захотела.

– Ну так как? Будем работать вместе? Мне совершенно ни к чему напрягаться, если вы собираетесь искать мне замену в лице кого-нибудь, кто будет вам верить.

– Думаю, будем работать вместе.

– Вот и хорошо. Я навещу вас завтра, чтобы обсудить наше дело и направление, в котором мы будем двигаться. Надеюсь, к тому времени мой сыщик соберет предварительные сведения об имеющихся у обвинения доказательствах. Он...

– Можно мне задать еще один вопрос, Микки?

– Разумеется, можно.

– Вы не сможете одолжить мне денег для залога?

Меня это ничуть не удивило. Я давно потерял счет клиентам, которые обращались ко мне с подобной просьбой. Правда, о такой сумме речь шла впервые, но я сомневался, что это был последний случай, когда клиент просит у меня в долг.

– Этого я сделать не могу, Лайза. Во-первых, у меня нет таких денег, во-вторых, по закону адвокат не имеет права вносить залог за собственного клиента. Так что здесь я вам помочь не могу. Что вам нужно сделать, так это привыкнуть к мысли, что вы останетесь в заключении, по крайней мере на время процесса. Залог установлен в размере двух миллионов, это означает, что вам потребуется минимум двести тысяч, чтобы внести аванс. Это очень большая сумма, Лайза, и даже если бы она у вас была, я бы потребовал половину в уплату услуг защиты. Так что в любом случае вы пока останетесь в тюрьме.

Я улыбнулся, но она не видела ничего забавного в том, что я ей сказал.

– А если вы вносите такой аванс, вам его возвращают после суда? – поинтересовалась она.

– Нет, деньги отходят поручителю в оплату риска, поскольку, если вы сбежите, именно с него потребуют все два миллиона.

Лайза взорвалась.

– Я не собираюсь сбежать! – закричала она. – Я намерена оставаться здесь и бороться. Просто я хочу быть со своим сыном. Ему нужна мать.

– Лайза, я не имел в виду лично вас. Я просто хотел объяснить, как действует система залога и поручительства. В любом случае судебный пристав, который стоит в дверях, и так уже проявил большое терпение. Вы должны идти с ним, а мне необходимо вернуться к работе над вашей защитой. Поговорим завтра.

Я кивнул приставу, и он подошел, чтобы увести Лайзу в охраняемый бокс. Когда они выходили через его дальнюю стальную дверь, ведущую на тюремную территорию, Лайза обернулась и посмотрела на меня испуганным взглядом, хотя никак не могла знать того, что ждет ее впереди, и того, что это лишь начало самого ужасного испытания в ее жизни.

Андреа Фриман задержалась, разговаривая с коллегой-прокурором, и это позволило мне присоединиться к ней, когда она выходила из зала суда.

– Не хотите перехватить чашечку кофе и поболтать? – спросил я, догнав ее.

– А вам разве не нужно поговорить со своими людьми?

– С моими людьми?

– Ну, с теми, что обвешаны камерами. Они наверняка выстроились за дверью.

– Я бы предпочел поговорить с вами, в том числе мы могли бы обсудить и линию поведения с прессой, если хотите.

– Думаю, несколько минут я могу вам уделить. Предпочитаете спуститься в нижний буфет или пойти со мной и выпить прокурорского кофе?

– Давайте спустимся вниз. У вас мне придется постоянно озираться.

– Из-за вашей бывшей жены?

– Из-за нее и из-за других, хотя в настоящий момент мы с моей бывшей в хорошей фазе отношений.

– Рада слышать.

– Вы знакомы с Мэгги?

В ван-нуйсском округе работало по меньшей мере восемьдесят заместителей главного окружного прокурора.

– Шапочно.

Мы покинули зал суда и остановились плечом к плечу перед толпой репортеров, чтобы объявить, что не будем комментировать дело на столь ранней стадии. Когда мы направлялись к лифту, не менее полудюжины корреспондентов, большей частью не местных, сунули мне свои визитки – «Нью-Йорк таймс», Си-эн-эн, «Дейтлайн», «Салон» и их общий Священный Грааль – «60 минут». Менее чем через сутки после того, как отыскал в Южном Лос-Анджелесе стоявший всего лишь 250 долларов в месяц договор по делу о конфискации дома, я превратился в ведущего адвоката, неожиданно получив дело, которое обещало стать важнейшим событием современной финансовой эпохи.

И мне это нравилось.

– Их больше нет, – сказала Фриман, как только мы оказались в лифте. – Можете стереть с лица эту улыбку – словно вы дерьма наелись.

Я взглянул на нее и улыбнулся, на сей раз искренно.

– Это так заметно?

– О да. Единственное, что я могу вам сказать, – наслаждайтесь, пока можете.

Это было не слишком завуалированное напоминание о том, какого рода дело у меня на руках. Фриман считалась в окружной прокуратуре многообещающим сотрудником, поговаривали, что со временем она займет пост на самом верху. Как обычно в таких случаях, ее восхождение и высокую репутацию в окружной прокуратуре приписывали цвету ее кожи и внутренней политике учреждения, а также предполагали, что выигранные дела достаются ей благодаря принадлежности к меньшинству, пользующемуся поддержкой другого меньшинства. Но я знал, что это было абсолютно ошибочное суждение. Андреа Фриман чертовски хорошо делала свою работу, и доказательством тому служил сухой счет наших встреч в суде – не в мою пользу. Когда накануне вечером мне стало известно, что обвинителем по делу Лайзы Тремел назначена она, для меня это было словно удар под ребра: больно, но ничего не поделаешь.

В нижнем кафетерии мы налили себе из электрической кофеварки по чашке кофе и нашли столик в тихом углу. Она заняла место, позволявшее видеть вход. Такова привычка, общая для всех служащих правоохранительных органов – от патрульных до детективов и прокуроров. Никогда не поворачиваться спиной к потенциальному источнику нападения.

– Итак... – сказал я. – Что мы имеем? Вы – обвиняемого, грозящего превратиться в героя Америки.

Фриман рассмеялась, словно я был ненормальный.

– Ну вы скажете. Насколько мне известно, мы не делаем героев из убийц.

Я мог напомнить ей о знаменитом деле, рассматривавшемся в наших краях, которое противоречило ее высказыванию, однако предпочел смолчать.

– Ну может, это небольшое преувеличение. Скажу так: я полагаю, что в данном случае сочувствие общества окажется на стороне моей подзащитной.

– В настоящий момент – да. Но не думаю, что общественное сочувствие сможет повлиять на исход судебного решения в свете улики и подробностей, которые откроются в ходе процесса. Во всяком случае, для меня оно значения не имеет. Так о чем вы толкуете, Микки? Хотите поговорить о признательном заявлении в первый же день процесса?

Я покачал головой:

– Нет, вовсе нет. Ни о чем подобном я говорить не собираюсь. Моя клиентка утверждает, что она невиновна. Я упомянул общественные симпатии только из-за того внимания, которое дело уже привлекло. Продюсер программы «60 минут» только что сунул мне свою визитку. Поэтому я хотел бы установить некие рамки и согласованные правила поведения в отношении средств массовой информации. Вы только что сказали об уликах и о том, как они будут становиться достоянием общественности. Надеюсь, вы имели в виду, что они будут представ-

ляться в суде, а не выдаваться выборочно в виде информации газете «Лос-Анджелес таймс» или какому-нибудь иному органу четвертой власти.

– О, я с удовольствием прямо сейчас вообще объявила бы эту зону запретной для полетов. Никто ни при каких условиях не разговаривает ни с какими СМИ.

Я нахмурился.

– Пока я не готов зайти настолько далеко.

Она понимающе кивнула.

– Я на это и не рассчитывала. В таком случае единственное, что я могу сказать: будем осторожны, мы оба. Я без колебаний обращусь к судье с жалобой, если мне покажется, что вы пытаетесь воздействовать на присяжных.

– Тогда и я тоже.

– Хорошо. Будем считать, что по этому вопросу мы договорились. Что еще?

– Когда я смогу начать знакомиться с результатами расследования?

Прежде чем ответить, она сделала большой долгий глоток кофе.

– По предыдущим делам вы знакомы с моим методом работы. Я не приветствую отношений типа: я покажу вам то, что есть у меня, а вы мне – то, что есть у вас. Это всегда улица с односторонним движением, потому что защита обычно не раскрывает своих козырей. Так что я предпочитаю все держать при себе.

– Думаю, нам придется найти компромисс, советник.

– Что ж, когда будет назначен судья, вы можете с ним поговорить. Но я не оказываю снисхождения убийцам, кто бы ни был их адвокатом. И да будет вам известно: я уже сделала реприманд вашему приятелю Керлену за то, что он вчера передал вам диск. Он не должен был этого делать и пусть радуется, что я не отстранила его от дела. Считайте это подарком от обвинения. Но больше подарков вы не дождетесь... советник.

Именно такого ответа я и ожидал. Фриман была чертовски хорошим прокурором, но, с моей точки зрения, играла нечестно. Предполагается, что судебный процесс – это живое состязание фактов и доказательств при равном положении сторон в отношении закона и правил игры. Однако Фриман всегда использовала правила, чтобы скрывать или придерживать факты и доказательства. Она любила подковерную игру. Она не терпела света. Она его даже не видела.

– Андреа, послушайте. Полицейские забрали компьютер моей клиентки и все ее бумаги. Они принадлежат ей, и мне они необходимы, чтобы хотя бы начать выстраивать защиту. Вы не можете использовать все это в качестве обнаруженных в ходе следствия документов.

Фриман прикусила губу и сделала вид, будто действительно ищет компромисс. Представление было предназначено для меня.

– Вот что я вам скажу: как только мы узнаем, кого назначили судьей, вы обратитесь к нему с этой просьбой. Если судья велит мне их вернуть, я верну. В противном случае они мои, и я не стану ими делиться.

– Премного благодарен.

Она улыбнулась:

– Не за что.

Ее уклончиво-ироничный ответ на мое предложение о сотрудничестве лишь укрепил меня в мысли, которая зрела в моем подсознании с того момента, как я узнал, что обвинителем назначена Фриман: придется найти способ заставить ее увидеть свет.

5

В тот день в гостиной кооперативной квартиры Лорны Тейлор в Восточном Голливуде состоялось общее собрание сотрудников «Майкла Холлера и партнеров». Присутствовали, разумеется, сама Лорна и мой дознаватель Циско Войцеховский – поскольку это была и его гостиная, – а также моя помощница, младший партнер фирмы Дженнифер Аронсон (Баллоке). Я заметил, что Дженнифер чувствовала себя неловко в этой обстановке, и был вынужден признать, что обстановка действительно непрофессиональная. Годом ранее, когда работал над делом Джейсона Джессапа, я арендовал временный офис и теперь отдавал себе отчет в том, что для дела Треммел тоже лучше всего было бы иметь настоящее служебное помещение, а не ютиться в гостиной одного из сотрудников. Единственная проблема состояла в том, что для этого я был бы вынужден пойти на значительные траты, не имея пока отчислений от гонорара за фильм или авторских прав на книгу по этому делу – и это только в том случае, если такие планы удастся осуществить. Вот почему мне не хотелось делать последний шаг, но разочарование, которое я прочел на лице Дженнифер, подтолкнуло меня к принятию решения.

– Итак, начнем, – сказал я после того, как Лорна подала кому содовую, кому чай со льдом. – Я знаю, что это не слишком профессиональный способ руководить юридической фирмой, поэтому, как только сможем, мы подыщем себе офисное помещение. А пока...

– В самом деле? – перебила меня Лорна, удивленная этой информацией.

– Да, в общем, я это только что решил.

– Что ж, спасибо, что тебе так нравится мой дом, – съязвила она.

– Дело вовсе не в этом, Лорна. Просто в последнее время, после того как мы взяли в штат Баллоке, у нас образовалось что-то вроде настоящей юридической конторы, и, наверное, нам следует завести свой юридический адрес. Тогда клиенты смогут приходить к нам вместо того, чтобы мы сами к ним выезжали.

– Меня это устраивает. Если не придется открывать офис раньше десяти и я смогу по-прежнему сидеть на работе в домашних тапочках. Я как-то уже привыкла к этому.

Я понял, что обидел ее. Когда-то мы были с ней женаты, правда, недолго, но эти признаки я хорошо помнил. Впрочем, с ней я все улажу позднее. Пора было сосредоточиться на защите Лайзы Треммел.

– В любом случае давайте сначала поговорим о Лайзе Треммел. Сегодня утром после первого предварительного слушания я встретился с обвинителем по ее делу, и встреча прошла не слишком удачно. Мне и прежде доводилось танцевать в паре с Андреа Фриман – она прокурор типа «ни пяди территории противнику». Если что-то можно оспорить, не сомневайтесь, что она это оспорит. Если существует доказательный материал, на котором можно сидеть, пока судья не прикажет его выдать, она будет сидеть на нем до победного. Я по-своему восхищаюсь ею, но только не тогда, когда мы работаем в связке. Вытягивать из нее материалы следствия будет все равно что рвать зубы.

– А суд вообще-то состоится? – спросила Лорна.

– Мы должны учитывать такое развитие событий, – ответил я. – Во время нашей короткой встречи с клиенткой она выразила единственное желание: бороться до конца. Утверждает, что она не убивала. Так что о признании вины и соответствующем досудебном соглашении речи нет. Будем готовиться к суду, однако не станем исключать и других возможностей.

– Минутку, – сказала Аронсон. – Вчера вечером вы прислали мне по имейлу задание просмотреть видеодиск с записью ее допроса. Это следственный материал. Разве он не был предоставлен вам прокурором?

Аронсон была миниатюрной двадцатипятилетней девушкой с коротко остриженными волосами, тщательно уложенными так, чтобы производить впечатление элегантной неприче-

санности. Она носила очки в стиле ретро, которые отчасти скрывали блеск ее зеленых глаз. Дженнифер окончила отнюдь не престижную юридическую школу и потому не обратила бы на себя внимания фешенебельных фирм, расположенных в центре города, но в ходе нашей предварительной беседы я почувствовал в ней драйв, подогреваемый негативной мотивацией. Она была готова из кожи вон лезть, чтобы доказать, что эти разодетые недоумки не правы. И я сразу же нанял ее.

– Видеозапись я получил от ведущего расследование детектива, и прокурорше это совсем не понравилось. Так что больше ничего такого не ждите. Если мы что-то захотим получить, придется обращаться к судье или добывать это самим. Что приводит нас к Циско. Скажи нам, Большой человек, что ты успел нарыть?

Все взоры обратились на моего сыщика, который сидел во вращающемся кожаном кресле возле камина, уставленного растениями в горшках. Сегодня он был одет, что означало наличие рукавов на его футболке. Накинутая поверх нее рубашка, впрочем, мало что скрывала, включая татуировки и кобуру. Со своими мощно накачанными бицепсами он походил скорее на вышибалу стрип-клуба, чем на опытного сыщика, в чьем арсенале имелось множество тонких методов.

Я долго не мог поверить, что этот гигантский кусок мяса заменил Лорне меня. Но в конце концов смирился с этим, более того, понял, что лучшего сыщика для адвоката и быть не может. В молодости, когда он гонял с «Ангелами дорог», копы дважды чуть не подловили его на наркотиках. Это выработало в нем стойкое недоверие к полиции. Большинство людей хоть и с сомнением, но благосклонно относятся к ней. Циско – никогда, и это делало его незаменимым специалистом в своей области.

– Так. Я разделю свой доклад на две части, – начал он. – Место преступления и дом обвиняемой, где полиция вчера в течение нескольких часов проводила обыск. Сначала место преступления.

Не пользуясь никакими записями, он подробно описал все, что смог разузнать в головном офисе «Уэстленд нэшнл». На Митчелла Бондуранта напали внезапно, когда он выходил из машины, чтобы отправиться на рабочее место. Его минимум дважды ударили по голове неизвестным предметом. Скорее всего сзади. На его руках не осталось никаких следов борьбы, это указывает на то, что он почти мгновенно лишился сознания. Рядом на полу найден картонный стакан с расплескавшимся кофе из кофейни «Джоуз Джоу». А также портфель, он лежал раскрытым возле заднего колеса его машины.

– А что же за выстрелы там кто-то слышал? – спросил я.

Циско пожал плечами:

– Кажется, они решили, что это были автомобильные выхлопы.

– Два подряд?

– Бывает. Никаких следов перестрелки там не обнаружено.

Он вернулся к своему докладу. Результатов вскрытия пока не было, но Циско не сомневался, что причиной смерти явилась травма головы, нанесенная тупым тяжелым предметом. Время смерти в настоящий момент колеблется в довольно широкой амплитуде: от 8.30 до 8.50 утра. В кармане Бондуранта нашли чек из «Джоуз Джоу», расположенной в четырех кварталах отсюда. На нем пропечатано время: 8.21, и детективы высчитали, что при самой скорой езде он мог доехать от кофейни до банковской подземной парковки за девять минут. Звонок в службу 911, сделанный служащей банка, обнаружившей тело, поступил в 8.52.

Значит, предполагаемое время смерти ограничено интервалом в двадцать минут. Не так уж много, однако, когда речь идет о документальных свидетельствах передвижений подзащитной для подтверждения ее алиби, это целая вечность.

Полиция опросила всех, чьи машины были запаркованы на том же уровне, а также всех служащих отдела, который возглавлял Бондурант. Во время этих бесед имя Лайзы Треммел

всплыло сразу же и повторялось часто. Ее называли как лицо, по слухам, угрожавшее Бондуранту. В банке имелся список потенциально опасных персон, и Лайза стояла в нем на первом месте. Как мы знали, она получила запретительный судебный приказ и не имела права приближаться к банку.

Полиция сорвала джекпот, когда одна из банковских служащих заявила, что видела Лайзу Треммел идущей по бульвару Вентура в направлении от банка не более чем через несколько минут после предполагаемого времени убийства.

– Кто эта свидетельница? – спросил я, сосредоточиваясь на этом самом дискредитирующем пункте доклада как на отправной точке.

– Ее зовут Марго Скейфер. Она кассир. По моим сведениям, никогда не встречалась с Треммел. Работает в банке, но к заемным операциям отношения не имеет. Однако после выдачи запретительного судебного приказа фотографию Треммел раздали всем сотрудникам, велели быть начеку и сообщать, если Треммел вдруг появится. Поэтому она ее и опознала.

– Это случилось на территории банка?

– Нет, на тротуаре в полуквартале от него. Вроде она шла от банка по Вентуре в восточном направлении.

– Об этой Марго Скейфер мы что-нибудь знаем?

– Пока нет, но узнаем. Я работаю над этим.

Я кивнул. Как всегда, мне не было нужды говорить Циско, что делать. Он перешел ко второй части своего доклада – обыску в доме Лайзы Треммел – и на сей раз достал из папки какие-то записи.

– Лайза Треммел добровольно согласилась – это их слова – поехать с детективами в ван-нуйсское полицейское подразделение через два часа после имевшего место убийства. Они настаивают, что она не была арестована до того момента, как они пришли к определенным выводам, побеседовав с ней в участке. На основании заявлений, сделанных ею во время этого опроса, и свидетельских показаний Марго Скейфер детективы получили ордер на обыск дома Треммел. Они провели там около шести часов в поисках улик – предполагаемого орудия убийства, а также электронной документации и письменных материалов, могущих свидетельствовать о том, что она планировала убийство Бондуранта.

В ордере указывается время, в рамках которого должен проводиться обыск. Далее полиция обязана своевременно представить в суд отчет, называемый «возвратом ордера», в котором должно быть скрупулезно перечислено все изъятые на месте обыска. После этого обязанность судьи – проверить выемку, чтобы убедиться, что полиция действовала в соответствии с предписаниями ордера. Циско сообщил, что детективы Керлен и Лонгстрет сегодня утром оформили возврат ордера, и он получил копию в секретариате суда. На данный момент это был ключевой документ дела, поскольку полиция и прокуратура не делились информацией с защитой. Андреа Фриман наложила запрет на всю информацию. Но ходатайство об ордере на обыск и возврат ордера являются документами публичного характера. Их распространение Фриман остановить не могла. И этот отчет давал мне наилучшее пока представление о том, как прокуратура собирается строить обвинение.

– Освети нам сейчас лишь основные факты, – сказал я, – но потом я хочу иметь полную копию отчета.

– Вот тебе копия. – Циско протянул мне несколько листов. – Что касается...

– А можно мне тоже получить копию? – попросила Аронсон.

Циско посмотрел на меня, безмолвно испрашивая разрешения. Это было странно. Он словно бы интересовался, действительно ли особа, которую я взял из юридической школы, носящей имя универмага, является членом нашей команды, а не просто регистратором клиентуры.

– Разумеется, – ответил я.

– Ну, держите, – сказал Циско. – Итак, основные факты. Что касается орудия преступления, они обыскали гараж и, похоже, забрали все ручные инструменты, висевшие на полке.

– Значит, они не знают, чем именно его убили, – заметил я.

– Результатов вскрытия еще нет, – повторил Циско. – Они будут сравнивать эти инструменты с формой раны. Это потребует времени, но я связался с отделом медицинской экспертизы. Как только результаты станут известны им, они будут известны и мне.

– Хорошо. Что еще?

– Они забрали ее лэптоп, макбук про⁴ трехлетней давности, и самые разные документы, относящиеся к делу об отъеме ее дома на Мельба-авеню. Вот тут они могут разозлить судью. Вероятно, поскольку документов слишком много, они не составили подробного реестра, просто указали три папки: «ФЛАГ», «Конфискация дома-1» и «Конфискация дома-2».

Я предположил, что все документы по делу об отъеме дома, которые могли быть у Лайзы, – это документы, которые дал ей я. В папке «ФЛАГ», а также в компьютере наверняка есть имена членов группы, это свидетельствует, что полиция, весьма вероятно, ищет ее сообщников.

– Ладно. Что еще?

– Они забрали ее сотовый, пару туфель из гаража и – самое неприятное – ее личный дневник. Они никак его не описывают и не раскрывают его содержания. Но если в нем есть тирады против банка и особенно лично против жертвы, тогда нас ждет большая проблема.

– Я спрошу ее об этом завтра при встрече, – пообещал я. – Вернись на секунду назад. Сотовый телефон. В запросе на ордер было указано, что они хотят изъять ее телефон? Подозревают ли они заговор, считают ли, что кто-то помог ей убить Бондуранта?

– Нет, о сообщниках там ничего не сказано, но в запросе упоминается, что в период, предшествовавший убийству, Бондурант несколько раз получал анонимные звонки с угрозами. Вероятно, они хотят выяснить, нельзя ли связать Лайзу с этими звонками.

Я кивнул. То, что теперь мы видели, какие действия детективы предпринимали в отношении моей клиентки, было очень полезно.

– Вероятно, они подали отдельное ходатайство об ордере на проверку всех ее звонков в телефонной компании, – предположил я.

– Я это проверю, – сказал Циско.

– Ладно, есть что-нибудь еще касающееся обыска?

– Туфли. В возврате ордера числится пара туфель, изъятых из гаража. Причина изъятия не объясняется, просто сказано, что это прорезиненные садовые туфли. Женские.

– Никакой другой обуви они не изымали?

– Во всяком случае, в отчете об этом ничего нет. Только эти.

– Насчет следов ног на месте преступления ты ничего не узнал?

– Нет, там ничего не найдено.

– Хорошо.

Я не сомневался, что причина изъятия туфель вскоре откроется. Составляя запрос на ордер, полиция раскидывает сеть как можно шире – насколько позволит суд. Лучше взять лишнее, чем что-то упустить. Иногда оказывается, что изъятые предметы не имеют никакого отношения к делу.

– Кстати, – сказал Циско, – если будет время и терпение, чтобы не обращать внимания на орфографические и грамматические ошибки, почитай запрос внимательней – весьма интересное чтение. Они широко использовали сведения, полученные при допросе Тремел, но мы это уже видели на видеозаписи, которую дал тебе Керлен.

– Да, с ее так называемыми признаниями, как сказал Керлен, явно преувеличив.

⁴ Одна из наиболее функциональных серий ноутбуков от Apple.

Я встал и принялся расхаживать по центру комнаты. Лорна тоже встала, взяла у Циско ордер на обыск, чтобы сделать копию, и исчезла в смежной комнате, где оборудовала себе кабинет и где стояла копировальная техника.

Я подождал, пока она вернулась и вручила копию документа Аронсон, после чего продолжил:

– Итак, как мы будем действовать? Первое, что нам нужно, – это начать искать офисное помещение где-нибудь поближе к ван-нуйсскому суду, чтобы организовать там наш командный пункт.

– Хочешь поручить это мне, Мик? – спросила Лорна.

– Да, хочу.

– Постараюсь, чтобы рядом были парковка и приличная еда.

– Было бы прекрасно, если бы от нашего офиса до суда можно было ходить пешком.

– Будет сделано. Краткосрочная аренда?

Я помедлил. Мне нравилось работать на заднем сиденье своего «линкольна». Он давал ощущение свободы и был прекрасным проводником для мыслительного процесса.

– Мы снимем помещение на год. Посмотрим, что будет дальше.

Я перевел взгляд на Аронсон. Опустив голову, она что-то писала в блокноте.

– Баллоке, мне нужно, чтобы вы взяли на себя нашу текущую клиентуру и поступающие новые звонки. Реклама по радио будет звучать до конца месяца, так что спада в работе, надеюсь, не случится. Мне также понадобится ваша помощь в деле Треммел.

Она подняла голову, и глаза у нее засияли от перспективы поучаствовать в деле об убийстве спустя всего год после получения разрешения практиковать в суде.

– Не слишком радуйтесь, – остудил я ее пыл. – Пока я не собираюсь предоставлять вам место моего второго номера в суде. Вы будете делать массу черной работы. Как там у вас в вашей юридической школе было с предметом «доказательная база»?

– Я была первой в своей группе.

– Разумеется. Так вот, видите документ, который у вас в руке? Я хочу, чтобы вы взяли эту заявку на ордер и прошерстили ее вдоль, поперек и по диагонали. Мы ищем упущения, искажения фактов – все, что может быть использовано для подачи ходатайства об изъятии доказательств из материалов следствия. Я хочу, чтобы все улики, собранные в доме Лайзы Треммел, были удалены из ее дела.

Аронсон заметно сникла. Я давал ей трудное задание. Работа была более чем черной, потому что скорее всего означала массу усилий при минимальной отдаче. Оптом улики из дела изымались редко. Просто я старался покрыть все базы, и на одну из них ставил Аронсон. Она была достаточно шустра и сообразительна, и это одна из причин, по которым я ее нанял.

– Помните, что вы работаете по делу об убийстве, – подчеркнул я. – Кто еще из ваших однокашников может этим похвастать?

– Наверное, никто.

– Совершенно верно. Потом я хочу, чтобы вы то же самое проделали с записью допроса Лайзы в полиции. Ищите любой неверный шаг со стороны копов, что угодно, что может дать основание исключить и эту улику. Думаю, в свете прошлогоднего постановления Верховного суда там можно будет что-нибудь накопать. Вы знакомы с этим постановлением?

– Э-э... это ведь мое первое уголовное дело.

– Тогда ознакомьтесь. Керлен сделал все, чтобы представить дело так, будто она добровольно согласилась на допрос. Но если мы сможем показать, что он контролировал ее – была она в наручниках или нет, не важно, – у нас появится основание поднять в суде вопрос о том, что она с самого начала фактически находилась под арестом. Если это удастся, то все, что она сказала до того, как ей зачитали права, пойдет коту под хвост.

– Хорошо.

Аронсон писала, не поднимая головы.

– Вы поняли свое задание?

– Да.

– Отлично, тогда приступайте, но не забывайте и об остальных клиентах. Они платят нам деньги. Пока.

Я снова повернулся к Лорне.

– И это напоминает мне о том, Лорна, что нужно связаться с Джоулом и посоветоваться с ним, как раскрутить эту историю. Все может рассосаться, если будет достигнуто досудебное соглашение на основе признания вины, так что давайте попробуем заключить договор уже сейчас. Скажи ему, мы готовы поступиться конечной суммой, если получим приличный аванс наличными. Нам нужны деньги, чтобы вести защиту.

Джоул Готлер был агентом, который представлял меня в Голливуде. Я всегда пользовался его услугами, когда ко мне обращались оттуда. На сей раз мы сами собирались обратиться в Голливуд и попробовать загодя заключить договор.

– Преподнеси ему все как надо, – сказал я Лорне. – У меня в машине есть визитка продюсера из «60 минут» – доказательство того, какой резонанс приобретает это дело.

– Я позвоню Джоулу. И я знаю, что ему сказать, – заверила Лорна.

Я перестал ходить, чтобы сосредоточиться и подумать, что осталось, какова будет моя роль, и взглянул на Циско.

– Ты хочешь, чтобы я занялся свидетельницей? – спросил он.

– Совершенно верно. И жертвой тоже. Я хочу иметь полную картину в отношении обоих.

Мои последние слова, словно пунктиром, были прошиты резким жужжащим звуком интеркома, висевшего на двери, ведущей в кухню.

– Прошу прощения, это кто-то звонит у калитки, – сказала Лорна, не делая ни малейшей попытки встать и подойти к интеркому.

– Ты не хочешь ответить? – спросил я.

– Нет, я никого не жду, а все посыльные знают код. Вероятно, это какой-нибудь торговец. Они тут бродят как зомби.

– Ладно, – сказал я. – Тогда продолжим. Следующее, о чем мы должны подумать, – это альтернативный убийца.

Все уставились на меня с напряженным вниманием.

– Нам требуется какой-нибудь конкретный человек. Если дело дойдет до суда, то пальбы в воздух будет недостаточно. Нужна агрессивная защита. Мы должны отвести внимание присяжных в сторону от Лайзы. А чтобы это сделать, необходима альтернативная версия.

Снова принявшись мерить шагами комнату, я ощущал, как напряженно следит за мной взглядом Аронсон, и чувствовал себя преподавателем юридической школы.

– Мы должны выстроить гипотезу невиновности. Если нам это удастся – мы победили.

Интерком жужжал снова. Сигналы стали более продолжительными и настойчивыми.

– Какого черта?! – воскликнула Лорна.

В раздражении она встала, подошла к аппарату и нажала кнопку.

– Да, кто это?

– Это юридическая контора Микки Холлера?

Голос был женский и явно знакомый, но я не мог сообразить чей, к тому же звук искажался и был приглушен. Лорна обернулась к нам и покачала головой, давая понять, что не знает, кто это. Ее адрес не был указан ни в одном из наших рекламных объявлений. Как эта особа могла его найти?

– Да, но мы принимаем только по предварительной договоренности, – ответила Лорна. – Я могу дать вам номер телефона, по которому вам следует условиться о консультации с мистером Холлером.

– Пожалуйста! Мне необходимо встретиться с ним немедленно. Это Лайза Тремел, я уже его клиентка. Мне нужно поговорить с ним как можно скорее.

Я уставился на интерком так, словно поверил, что он напрямую связан с ван-нуйсской женской тюрьмой, где Лайзе надлежало находиться. Потом кивнул Лорне:

– Думаю, лучше открыть калитку.

6

Лайза Треммел была не одна. Когда Лорна открыла дверь, моя клиентка вошла в сопровождении мужчины, которого я видел в зале суда во время первых слушаний по ее делу. Он сидел в первом ряду зрительской галереи и обратил на себя мое внимание, потому что не был похож ни на юриста, ни на журналиста. Он выглядел как человек из Голливуда. Причем не из блестящего, самоуверенного Голливуда, а из другого. Из Голливуда, охотящегося за наживой. Мужчина лет шестидесяти, без особого успеха пытавшийся выдать себя за сорокалетнего. Поверх бордового свитера с воротом-хомутом на нем была черная спортивная кожаная куртка. На груди красовалась золотая цепочка с подвеской в виде «знака мира». Кем бы он ни был, я подозревал, что именно он являлся источником Лайзиной свободы.

– Итак, вы либо сбежали из тюрьмы, либо внесли залог, – сказал я. – Полагаю, каким-то образом вам удалось последнее.

– Вы догадливы, – сказала Лайза. – Знакомьтесь все: это Герберт Дэл, мой друг и благодетель.

– Дэ-э-эл, – с улыбкой повторил по буквам благодетель.

– Благодетель? – переспросил я. – Означает ли это, что вы внесли залог за Лайзу?

– Ну не весь, разумеется, только аванс, – ответил Дэл. – Предоставил обеспечение залога наличными в размере десяти процентов назначенной суммы.

– Я знаю, как действует система залога. И кого же вы раскошелили?

– Некого Валенсуэлу. Он живет прямо возле тюрьмы. Очень удобно. И он сказал, что знает вас.

– Правильно, знает.

Пока я молчал, раздумывая, как продолжить, Лайза заполнила паузу:

– Герб – настоящий герой, он вырвал меня из этого ужасного места. Теперь я на свободе и могу помогать нашей команде бороться против этих ложных обвинений.

Раньше она была в контакте только с Аронсон, но не с Лорной и Циско. Поэтому, сделав шаг вперед и представившись, по очереди протянула руку тому и другой, словно это был самый обычный день и подошло время приниматься за работу. Циско через плечо бросил на меня взгляд, говоривший: как это, черт возьми, понимать? Я пожал плечами: сам не знал.

В разговорах со мной Лайза никогда не упоминала Герба Дэла, надо думать, довольно близкого друга и «благодетеля», раз он с готовностью нашел человека, который отстегнул двести кусков в счет ее залога. Это, а также тот факт, что она не отщипнула ни кусочка от этих щедрот, чтобы оплатить услуги защиты, не удивило меня. Ее склонность к громким словам и стремление стать членом команды, чтобы совать нос во все подробности, – тоже. Я не сомневался, что с незнакомыми людьми Лайза отлично умеет держать язык за зубами и не выносить на всеобщее обозрение свои личные дела и эмоциональные состояния. Своими чарами она сумела бы околдовать и змею, так что мне было интересно, понимает ли Герб Дэл, во что ввязывается. Разумеется, он ловчил и действовал отнюдь не бескорыстно, но, возможно, не сознавал, что точно так же действуют и против него.

– Лайза, – сказал я, – давайте на минутку удалимся в кабинет Лорны и поговорим наедине.

– Думаю, Герб имеет право слышать все, о чем мы говорим. Он будет документировать все, что относится к делу.

– Наши разговоры он документировать не будет, поскольку отношения между вами и вашим адвокатом конфиденциальны и не подлежат разглашению. А в суде его могут обязать свидетельствовать обо всем, что он видел и слышал.

– А-а... А нельзя ли как-нибудь наделить его полномочиями или включить в нашу команду?

– Лайза, просто пройдите со мной в другую комнату на несколько минут.

Я указал рукой на дверь, и Лайза наконец нехотя направилась туда.

– Лорна, почему бы тебе не предложить мистеру Дэлу что-нибудь выпить?

Я последовал за Лайзой в кабинет и закрыл за собой дверь. Здесь стояло два стола: один для Лорны, другой – для Циско. Я поставил стул напротив стола Лорны и велел Лайзе сесть, а сам сел за стол лицом к ней.

– Странный офис, – сказала Лайза. – Похож на чей-то дом или вроде того.

– Это временное помещение. Давайте поговорим о вашем герое, Лайза. Как давно вы с ним знакомы?

– Около двух месяцев.

– Как вы познакомились?

– На ступеньках здания суда. Он пришел на один из пикетов ФЛАГа и сказал, что мы интересуем его с точки зрения перспективы будущего фильма.

– Вот как? Он оператор? Где же его камера?

– Ну, на самом деле он тот, кто все организует. И кстати, очень успешно: издание книг, съемки фильмов... Он собирается все устроить. Микки, мое дело наверняка привлечет широкое внимание. В тюрьме мне сказали, что тридцать шесть репортеров добиваются интервью со мной. Конечно, мне не позволили с ними встретиться – только с Гербом.

– Значит, Герб добрался до вас в тюрьме, я правильно понял? Должно быть, он очень настойчив.

– По его собственным словам, когда он видит стоящий сюжет, его ничто не остановит. Помните ту маленькую девочку, которая после автокатастрофы целую неделю провела на склоне горы рядом с мертвым отцом? Он сделал из этого телефильм.

– Впечатляет.

– Я знаю. Он очень успешен.

– Это вы уже говорили. Вы заключили с ним какое-нибудь соглашение?

– Да. Он проведет подсчеты, и мы разделим пополам все, что останется после вычета его текущих расходов, и деньги, внесенные в счет залога, он получит обратно. Я считаю, что это справедливо. Но он обещает кучу денег. Я смогу спасти свой дом, Микки!

– Вы что-нибудь подписывали? Контракт или какого-либо рода соглашение?

– О да, все законно и скреплено подписями. Ему придется заплатить мне мою долю.

– Вы уверены в этом, потому что консультировались с вашим адвокатом?

– Ну... нет, но Герб сказал, что это стандартный документ. Ну, всякое там юридическое крючкотворство. Но я его прочла.

Разумеется, прочла. Так же как читала договоры со мной, когда подписывала их.

– Могу я взглянуть на этот документ, Лайза?

– Он у Герба. Попросите у него.

– Обязательно. А теперь: рассказывали ли вы ему о наших соглашениях?

– О наших соглашениях?

– Да, вчера в полицейском участке вы подписали со мной два договора, помните? Один – о том, что я представляю ваши интересы в уголовном деле, другой – о том, что вы передаете мне все полномочия на продажу ваших авторских прав с тем, чтобы мы могли получить деньги на вашу защиту. Вы помните, что подписали согласие на привилегированное требование об удержании?

Она не отвечала.

– Вы видели, что у меня трое сотрудников, Лайза? Все мы сейчас работаем на вас. И вы пока не заплатили нам ни цента. Это означает, что я за свой счет вынужден платить им

зарплату и покрывать все расходы. Каждую неделю. Вот почему в соглашениях, которые вчера подписали, вы предоставляете мне все полномочия на издание книги и съемки фильма.

– О... эту часть я не прочла.

– Позвольте кое о чем вас спросить. Что для вас важнее, Лайза: чтобы вам была обеспечена наилучшая защита, которая постарается выиграть дело, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, или получить контракт на книгу или фильм?

Лайза напустила на себя обиженный вид и поспешила сменить тему:

– Но вы не понимаете. Я невиновна. Я не...

– Нет, это вы не понимаете. Виновны вы или нет, не имеет никакого отношения к дилемме. Речь идет о том, что мы сможем, а чего не сможем доказать в суде. И говоря «мы», я на самом деле имею в виду себя. Я ваш герой, Лайза, а не Герб Дэл, сидящий в той комнате в кожаной куртке с голливудским «знаком мира». Это просто, как дважды два.

Она долго молчала, прежде чем ответить.

– Я не могу, Микки. Он только что выкупил меня из тюрьмы. Это стоило ему двухсот тысяч долларов. Он должен получить их обратно.

– А ваша защита пусть тем временем поддыхает с голоду?

– Нет, Микки, я вам заплачу. Обещаю. Мне ведь причитается половина от всего. Я вам заплачу.

– После того как он заберет свои двести тысяч и покроет все свои расходы. Расходы, сумма которых, сдается мне, может оказаться какой угодно.

– Он сказал, что заработал полмиллиона для одного из врачей Майкла Джексона. И ведь то была всего лишь публикация в таблоиде. А у нас может получиться фильм!

Я был на грани, мое терпение подходило к концу. У Лорны на столе лежала резиновая игрушка для снятия стресса. Это был пробный образец – маленький судейский молоток, она собиралась раздавать такие в рекламных целях: на боковой поверхности предполагалось печатать название нашей фирмы. Я схватил его и стиснул изо всей силы, представляя, будто это горло Герба Дэла. Через несколько секунд гнев начал стихать. Эта штука действительно работала. Я мысленно взял на заметку сказать Лорне, чтобы она закупала их. Мы будем раздавать их в залоговых конторах и на уличных ярмарках.

– Хорошо, – сказал я. – Об этом поговорим позже. Сейчас мы вернемся в ту комнату, и вы отправите Дэла домой, потому что мы собираемся говорить о вашем процессе, но никогда не делаем этого в присутствии людей, которые не входят в наш конфиденциальный круг. Позднее вы позвоните ему и скажете, чтобы он ничего не предпринимал без моего согласия. Вы поняли, Лайза?

– Да, – ответила она пристыженно и робко.

– Хотите, чтобы я ему это сказал, или справитесь сами?

– Можете взять это на себя, Микки?

– Без проблем. Думаю, мы закончили.

Выйдя в гостиную, мы застали конец истории, которую рассказывал Дэл:

– ...и это было до того, как он снял «Титаник»!

Он расхохотался над собственным повествованием, однако остальные присутствовавшие не продемонстрировали такого же понимания голливудского юмора.

– Итак, Герб, теперь мы собираемся вернуться к работе над делом, и нам необходимо поговорить с Лайзой, – сказал я. – Так что я вас провожу.

– Но как она доберется домой?

– У меня есть водитель. Это не проблема.

Он в нерешительности посмотрел на Лайзу, как бы взывая о помощи.

– Все в порядке, Герб, – сказала она. – Нам действительно надо поговорить о деле. Я позвоню тебе, как только вернусь домой.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Мик, я сама могу его проводить, – вызвалась Лорна.

– Не беспокойся. Мне все равно нужно выйти к машине.

Все сказали до свидания человеку со «знаком мира» на груди, и мы с Дэлом вышли из дома. Каждая квартира в здании имела отдельный внешний вход. Мы прошли по дорожке к калитке, выходящей на Кингс-роуд. Я увидел только что доставленные и сложенные под почтовым ящиком новые телефонные книги и использовал одну из них, чтобы подпереть калитку, не дать ей закрыться.

Мы дошли до моей машины, припаркованной у отмеченного красным бордюрным камнем персонального места стоянки перед входом. Рохас курил, прислонившись к переднему крылу.

– Рохас, багажник, – сказал я.

Он сунул руку под рулевую колонку и потянул рычажок. Я сказал Дэлу, что хочу кое-что ему показать, и он последовал за мной к открытому багажнику.

– Вы ведь не собираетесь затолкать меня туда? – пошутил он.

– Не совсем, Герб. Просто хочу кое-что вам дать.

Я откинул крышку багажника до отказа.

– Господи Иисусе, да у вас тут целая канцелярия, – сказал он, увидев каталожные ящики.

Я не ответил, лишь вытащил договоры, подписанные Лайзой накануне, снова обогнул машину и сделал копии с них на многофункциональной множительной машине, расположенной на переднем сиденье. Затем вручил копии Дэлу, оставив себе оригиналы.

– Вот, почитайте на досуге.

– Что это?

– Мой договор с Лайзой на представление ее интересов. Стандартный документ. Всякое там юридическое крюкотворство. Здесь имеется также доверенность на все полномочия и соглашение о праве привилегированного удержания со всех доходов, имеющих отношение к делу. Обратите внимание: все документы она подписала вчера. Это означает, что они делают ваш контракт недействительным. Не пропустите то, что напечатано мелким шрифтом. Согласно договору, контроль за всеми авторскими правами – на книги, кино, телепродукцию, словом, на все – предоставляется мне.

Я увидел, как посуровел его взгляд.

– Погодите мин...

– Нет уж, Герб, это вы погодите минутку. Я знаю, вы только что раскошелились на две сотни кусков аванса плюс то, что вы заплатили в тюрьме, уж не знаю, сколько это. Понимаю, что вы сделали крупные вложения. И позабочусь о том, чтобы вы получили их обратно. В конце концов. Но ваш номер второй, приятель. Смиритесь с этим и отступите. Никаких фильмов или сделок без согласования со мной.

Я похлопал по руке бумагами, на которые он неотрывно смотрел.

– Не послушаетесь меня – придется вам нанимать адвоката. Причем хорошего. Я наложу арест на все доходы Треммел сроком на два года, и в течение этого времени вы не увидите ни цента из своих двухсот тысяч. – Чтобы поставить точку в разговоре, я с силой захлопнул дверцу машины. – Удачного вам дня.

Оставив его стоять как вкопанного, я вернулся к багажнику, положил оригиналы документов обратно в ящик и, закрывая крышку, заметил, что следы граффити все еще видны на ней. Распыленная краска была удалена, но тусклость на ее месте осталась. Полностью от символа «Флоренция 13» отделаться не удалось. Я перевел взгляд на номерной знак: «Я сделал их».

На сей раз сказать будет легче, чем осуществить. Я прошел мимо Дэла, который все еще стоял на тротуаре, вперившись в договоры, к калитке, вынул из-под нее телефонную книгу и наугад открыл ее: объявление с моей улыбающейся физиономией в углу было на месте:

СПАСИТЕ СВОЙ ДОМ!

Не отдавайте его без борьбы!

Адвокатская контора

«Майкл Холлер и партнеры»

Звоните:

323-988-0761

или заходите на наш сайт:

www.stopfinancialruin.com

Мы говорим по-испански

Я проверил еще несколько страниц, чтобы убедиться, что реклама, согласно условиям оплаты, размещена на каждой, после чего положил книгу поверх стопки. Я даже не был уверен, что в наше время кто-то еще пользуется телефонными книгами, но поместил свою рекламу и в них – на всякий случай.

Когда я вернулся в квартиру, все молча ждали меня. Внезапное появление Лайзы в сопровождении благодетеля придало событиям неожиданный поворот. Я постарался начать все сначала так, чтобы укрепить единство команды.

– Итак, теперь все со всеми знакомы. Лайза, мы как раз обсуждали, в каком направлении работать дальше и что нам необходимо знать, чтобы двигаться вперед. Мы не рассчитывали увидеть вас здесь, потому что, честно признаться, я был совершенно уверен, что вы не выйдете из тюрьмы, пока мы не добьемся в конце концов оправдательного вердикта. Но теперь вы с нами, и я, разумеется, хочу включить вас в нашу стратегию. Есть ли что-нибудь, что вы могли бы нам сообщить?

Я сам себе казался доктором, проводящим сеанс групповой психотерапии. Но Лайза ухватила за возможность взять слово.

– Да. Прежде всего я хочу сказать, что очень благодарна вам всем за усилия, которые вы прилагаете от моего имени. Я знаю, что в юриспруденции такие понятия, как виновность и невиновность, не имеют особого значения. Важно только то, что можно доказать. Полностью отдаю себе в этом отчет и все же думаю, будет правильно, чтобы вы услышали это – пусть только один раз: я невиновна. Я не убивала мистера Бондуранта. Надеюсь, вы верите мне и нам удастся доказать это в суде. У меня есть маленький сын, и ему очень нужно, чтобы его мама находилась рядом.

Никто ничего не ответил, но все хмуро покивали.

– Итак, – сказал я, – перед вашим приходом мы говорили о распределении обязанностей: кто за что будет отвечать, кто что должен сделать. Я хотел бы включить в этот список и вас.

– Я буду делать все, что могу.

Она сидела, выпрямив спину, на кончике стула.

– После вашего ареста полиция несколько часов провела в вашем доме. Они обыскали его от пола до потолка и в соответствии с выданным им ордером изъяли кое-какие вещи, которые предположительно могут представлять собой улики. У нас есть список, я попрошу вас его изучить. В нем значатся ваш лэптоп и три папки с документами, озаглавленные «ФЛАГ», «Конфискация дома-1» и «Конфискация дома-2». И тут нам нужна ваша помощь. Как только будет назначен судья по вашему делу и определен зал, в котором оно будет слушаться, мы подадим ходатайство о немедленном предоставлении нам возможности ознакомиться с содержанием вашего компьютера и этих папок, но до того я хочу, чтобы вы перечислили как можно

подробней все, что имеется в ваших файлах. Иными словами, Лайза, чтобы вы сказали: что такого в них есть, что заставило копов прибрать их к рукам? Вы меня понимаете?

– Конечно, и это я вполне могу сделать. Начну сегодня же вечером.

– Спасибо. И еще об одном я хочу вас попросить. Видите ли, если дело пойдет в суд, я не хочу, чтобы у нас оставались неподвязанные концы, то есть чтобы кто-то неожиданно выскочил как чертик из табакерки, или...

– А почему вы говорите «если»?

– Простите?

– Вы сказали «если». Если дело пойдет в суд. Никаких «если».

– Извините, сорвалось с языка. Но – просто для вашего сведения – хороший адвокат всегда прислушивается к предложениям со стороны обвинения. Потому что зачастую такие переговоры позволяют нам исподтишка заглянуть в то, чем оно располагает. Так что, если я говорю вам, что веду переговоры о досудебном соглашении со стороной обвинения, помните: у меня для этого есть скрытая причина. Договорились?

– Договорились, но повторяю вам еще раз: я ни при каких обстоятельствах не признаю своей вины ни в чем, чего я не совершала. Пока они пытаются сделать виновной меня, где-то на свободе бродит настоящий убийца. Прошлой ночью я глаз не сомкнула в этом жутком месте. Всю ночь думала о сыне... Ведь если я признаюсь в чем-нибудь, чего не делала, то никогда не смогу посмотреть ему в глаза.

Я уж было испугался, что сейчас она откроет свой водопроводный кран, но Лайза вдруг замолчала.

– Я вас очень хорошо понимаю, – мягко сказал я. – А теперь вернемся к тому вопросу, который я хотел вам задать, – о вашем муже.

– Зачем?

Я моментально заметил, как поднялись оградительные флажки: мы пересекали границу опасной территории.

– Затем что он – один из тех самых неподвязанных концов. Когда вы в последний раз что-нибудь от него слышали? Вдруг он внезапно объявится в разгар процесса и создаст нам проблему? Не может ли он согласиться свидетельствовать против вас или, например, сообщить суду о каких-нибудь предыдущих актах мести с вашей стороны? Мы обязаны знать все, Лайза. Материализуется ли что-то из наших знаний – не важно. Но если угроза существует, мы должны знать о ней заранее.

– А я думала, что один супруг не может давать показания против другого.

– У супруга есть право не свидетельствовать против своего партнера, и этим правом он может воспользоваться, но существует некая «серая зона», особенно в вашем случае, поскольку вы больше не живете вместе. Так что я хочу подвязать этот свободный конец. Вы можете хотя бы предположить, где ваш муж сейчас?

Мои разъяснения не были безупречны с точки зрения закона, но мне нужно было найти ее мужа, чтобы выяснить динамику развития их супружеских отношений и как это может или не может сказаться на ее защите. Расставшиеся супруги – темная карта. Можно предотвратить их свидетельство против супруга в суде, но предотвратить их сотрудничество с обвинением за пределами зала суда невозможно.

– Не имею ни малейшего представления, – ответила Лайза. – Но думаю, рано или поздно он объявится.

– Почему?

Лайза развела руками, словно показывая, что ответ очень прост:

– Запахнет деньгами. Если там, где он находится, есть телевидение или газеты и он в курсе того, что происходит, он непременно объявится. Можете не сомневаться.

Ответ показался странным – как будто прежде ее муж зарекомендовал себя искателем дармовых денег. Между тем, насколько я знал, если даже так и было, то тратил он из этих денег ничтожно мало.

– Вы говорили, что он превысил лимит по вашей кредитной карточке где-то в Мексике.

– Правильно. В Розарио-Бич. Он снял сорок четыре сотни и таким образом превысил лимит. Мне пришлось заблокировать карточку, а она была единственной, которая у нас оставалась. Но я не сообразила в тот момент, что, блокируя ее, исключаю возможность выследить мужа. Так что ответ – я не знаю, где он теперь.

Циско откашлялся и вступил в разговор:

– Как насчет контактов: телефонных звонков, имейлов, посланий?

– Сначала было несколько имейлов. Потом – ничего, пока он не позвонил в день рождения сына. Это было полтора месяца назад.

– Ваш сын не спросил у него, где он находится?

Лайза запнулась, потом сказала – нет. Лгунья она была никудышная. Я не сомневался, что она что-то скрыла, и сказал:

– Лайза, в чем дело?

Она помолчала немного и сдалась:

– Вы все подумаете, что я плохая мать, но я не разрешила ему поговорить с Тайлером. Мы поссорились, и я просто... повесила трубку. Потом мне было стыдно, но отзвонить ему я не смогла, потому что его номер не идентифицировался.

– Но у него же есть мобильный? – спросил я.

– Нет. Был когда-то, но этого номера, как сообщает автомат, уже не существует. Тот же телефон, с которого он звонил, то ли был чужой, то ли он купил новый, но номер на экране не отразился.

– Вероятно, одноразовый аппарат, – сказал Циско. – Такие продают в каждом универсаме.

Я кивнул. История супружеского разрыва всех повергла в уныние. Наконец я заговорил снова:

– Лайза, если он с вами свяжется, немедленно дайте мне знать.

– Хорошо.

Я перевел взгляд на своего сыщика и безмолвно передал ему послание: проверить все, что можно, насчет Лайзиноного мужа-беглеца. Я не желал, чтобы он вдруг возник на суде в самый неподходящий момент.

Циско принял к сведению и утвердительно кивнул.

– Еще несколько вопросов, Лайза, и у нас будет кое-что, с чего можно начинать.

– Спрашивайте.

– Во время вчерашнего обыска в вашем доме полиция изъяла еще несколько вещей, о которых мы пока не говорили. Одна из них – то, что они назвали дневником. Вы знаете, о чем речь?

– Да. Я писала книгу. Книгу моих странствий.

– Ваших странствий?

– Да, странствий в поисках себя. Что я делала, чтобы помочь людям бороться за свои дома.

– Хорошо, значит, это дневник, описывающий ваши протестные акции и тому подобное?

– Правильно.

– Вы не помните, упоминали ли вы в нем когда-нибудь Митчелла Бондуранта?

Она опустила глаза, словно пыталась вспомнить.

– Не думаю. Но могла. Могла написать, что он – тот самый человек, который стоит за всем.

- Но ничего о том, чтобы насолить ему?
- Нет, ничего подобного. И я не причинила ему никакого вреда! Я этого не делала!
- Я вас не о том спрашиваю, Лайза. Я пытаюсь вычислить, что у них есть против вас.

Значит, вы уверены, что этот дневник не доставит нам проблем?

- Не доставит. В нем нет ничего плохого.
- Ладно, отлично.

Я обвел взглядом членов своей команды. Из-за словесной перепалки с Лайзой я забыл следующий вопрос. Циско подсказал:

- Свидетельница.
- Да, правильно. Лайза, вчера утром во время убийства находились ли вы где-нибудь поблизости от здания «Уэстленд нэшнл» в Шерман-Оукс?

Она ответила не сразу, и это насторожило меня: кажется, здесь проблема была.

– Лайза?

– Мой сын учится в школе, которая расположена в Шерман-Оукс. Когда я отвожу его туда по утрам, то проезжаю мимо этого здания.

– Это нормально. Значит, и вчера вы проезжали мимо. В какое время?

– Ну, около семи сорока пяти.

– Это когда вы везли его в школу?

– Да.

– А что было после того, как вы его высадили? Обратно вы ездите той же дорогой?

– Чаще всего да.

– А вчера? Мы говорим о вчерашнем дне. На обратном пути вы тоже проезжали мимо банка?

– Думаю, да.

– Что значит «думаю»? Вы не помните?

– Нет, помню. Я поехала по Вентуре до Ван-Нуйса, а там свернула на автостраду.

– Вы поехали обратно сразу после того, как высадили Тайлера, или делали что-то еще?

– Я остановилась, чтобы взять кофе, а потом поехала домой. Тогда я и проезжала мимо.

– В какое время это было?

– Точно не знаю. Я не смотрела на часы. Наверное, где-то в половине девятого.

– Вы выходили из машины поблизости от «Уэстленд нэшнл»?

– Нет, конечно, нет.

– Вы уверены?

– Разумеется, уверена. Неужели выдумаете, что я этого не запомнила бы?

– Хорошо. А где вы покупали кофе?

– В «Джоуз Джоу» на Вентуре, возле «Вудмена», я всегда туда заезжаю.

Я помолчал, посмотрел на Циско, потом на Аронсон. Ранее Циско сообщил, что в момент нападения у Митчелла Бондуранта был стакан с кофе из «Джоуз Джоу». Я решил не задавать пока очевидного вопроса о том, видела ли Лайза в кофейне Митчелла Бондуранта и вступала ли с ним в контакт. Как ее адвокат, я обязан был придерживаться только того, что знаю, и не мог позволить себе оказаться пособником лжесвидетельства. Если бы Лайза сказала мне, что видела Бондуранта и даже обменялась с ним несколькими словами, я бы не имел права убедить ее сплести другую историю на суде, довелись ей давать показания.

Приходилось проявлять большую осторожность в получении информации на столь раннем этапе, чтобы она впоследствии не связала мне руки. Я отдаю себе отчет в том, что здесь содержится противоречие. Моя задача состоит в том, чтобы знать все, что возможно, однако существовали вещи, которые мне невыгодно было знать уже в тот момент. Иногда осведомленность ограничивает в действиях. Незнание же дает больший простор для маневра в выстраивании защиты.

Аронсон во все глаза смотрела на меня, явно удивляясь, почему я не задаю столь очевидного вопроса. Я чуть заметно покачал головой. Свои резоны я собирался изложить позже – будет ей еще один урок из того, чему ее не учили в юридической школе.

Я встал.

– Думаю, на сегодня довольно, Лайза. Вы дали нам массу информации, теперь мы будем над ней работать. Мой шофер отвезет вас домой.

7

Ей было четырнадцать лет, и она все еще любила есть блинчики на ужин. У нас с дочерью была любимая кабинка в ресторане «Дю-Пар», в Студио-Сити. Наш обычный вечерний ритуал по средам. Я подхватил ее у дома ее матери, и мы отправились ко мне домой, заехав по дороге поесть блинчиков. Она делала уроки, я – свою работу. Я очень дорожил этим ритуалом.

Согласно условиям опеки Хейли проводила у меня все вечера по средам и каждые вторые выходные. На Рождество и День благодарения она бывала по очереди то у меня, то у Мэгги, а также я брал ее на две недели во время летних каникул. Но таково было лишь официальное предписание. В последний год наши отношения складывались неплохо, и зачастую мы проводили время вдвоем. На Рождество мы, как настоящая семья, устроили общий праздничный ужин.

Иногда моя бывшая жена даже присоединялась к нам «на блинчики». И этим я тоже очень дорожил.

Но в тот вечер мы с Хейли были вдвоем. Мне предстояло изучить протокол вскрытия Митчелла Бондуранта. К нему прилагались снимки, сделанные по ходу аутопсии, а также фотографии с места преступления, зафиксировавшие положение тела на банковской парковке, поэтому я откинулся на спинку стула, стараясь, чтобы ни Хейли, ни кто бы то ни было другой в ресторане не увидел эти страшные картинки. Едва ли они уместны к блинчикам.

Между тем Хейли делала домашнюю работу по естествознанию, изучая изменения материи при окислении органических веществ.

Циско оказался прав. Вскрытие подтвердило, что Бондурент умер от внутричерепного кровотечения, вызванного множественными ранами, нанесенными тупым предметом по голове.

Точнее, тремя ранами. К протоколу был приложен чертеж верхней части головы жертвы. На темени были нарисованы три следа от ударов, расположенные так кучно, что все их можно было бы накрыть чайной чашкой.

Этот чертеж меня воодушевил. Я перелистал протокол обратно, к первой странице, где содержалось описание тела. Митчелл Бондурент был мужчиной шести футов одного дюйма ростом и ста восьмидесяти фунтов весом. У меня не было под рукой сведений о габаритах Лайзы Треммел, поэтому я набрал номер мобильного, который Циско завез ей утром, поскольку ее собственный телефон был изъят полицией. Очень важно, чтобы клиент в любое время был на связи.

– Лайза, это Микки. Очень быстро скажите, какой у вас рост?

– Что? Микки, я сейчас ужинаю с...

– Просто скажите, какой у вас рост, и я вас отпущу. И не лгите. Что написано в ваших водительских правах?

– Э-э... Кажется, пять футов три дюйма.

– Это точно?

– Да. А что...

– Хорошо, это все, что мне нужно было узнать. Возвращайтесь к своему ужину. Приятного вечера.

– А что...

Я отсоединился и записал в лежавший на столе блокнот ее рост. Рядом я записал рост Бондуранта. Знаменательным было то, что жертва оказалась на десять дюймов выше предполагаемого убийцы, и тем не менее удары, пробившие череп и послужившие причиной смерти, были нанесены жертве сверху по темени. Это позволяло поставить вопрос о, как я это называл, физической возможности – вопрос, который может озадачить присяжных и над кото-

рым им придется поразмыслить самим. Вопрос, из которого хороший адвокат может кое-что извлечь. Вопрос из серии если-перчатка-не-подходит-к-руке-ее-нужно-отбросить-как-улику. Вот и здесь следовало задаться вопросом: как могла миниатюрная Лайза Треммел сверху ударить по голове Митчелла Бондуранта, имевшего шесть с лишним футов роста?

Разумеется, ответ зависел от размеров орудия, а также от ряда других обстоятельств, например, от положения тела жертвы в момент убийства. Если во время нападения он находился на земле, вопрос отпадает. Но пока за это следовало ухватиться. Я быстро взял со стола одну из папок и вынул из нее отчет об обыске.

– Кому это ты звонил? – спросила Хейли.

– Своей клиентке. Мне нужно было узнать, какой у нее рост.

– Почему?

– Потому что это может иметь отношение к тому, могла ли она сделать то, что ей вменяют.

Я просмотрел список изъятого. Из обуви в нем значилась пара туфель, о которых было сказано, что это прорезиненные садовые туфли, найденные в гараже. Никакой обуви с каблуками, никаких босоножек на платформе, вообще больше никакой обуви. Конечно, детективы проводили обыск до того, как стали известны результаты вскрытия. Поразмыслив, я пришел к выводу, что на садовых туфлях едва ли могут быть каблук. Если в полиции предполагают, что именно эти туфли были на Лайзе в момент убийства, то Бондурант имел преимущество в росте перед моей клиенткой, равное десяти дюймам – при условии, что он стоял в момент нападения.

Это было хорошо. Я трижды подчеркнул данные о соотношении ростов в своем блокноте. Но потом я стал думать о том, почему была изъята только одна пара обуви. В отчете об этом ничего не говорилось, но ордер давал полиции право взять все, что могло быть использовано в качестве доказательства совершения преступления. Они же ограничились садовыми туфлями. Я терялся в догадках.

– Мама сказала, что у тебя сейчас по-настоящему большое дело.

Я взглянул на дочь. Она редко заговаривала со мной о моей работе. Я думал, это потому, что в столь юном возрасте еще видишь все в черно-белом изображении, без серых зон. Люди были для моей дочери либо плохими, либо хорошими, а я зарабатывал на жизнь тем, что представлял интересы плохих. Так что и говорить не о чем.

– Она так сказала? Ну да, оно привлекает большое внимание.

– Это касается той дамы, которая убила человека, хотевшего отнять у нее дом? Это с ней ты сейчас разговаривал?

– Ее обвиняют в том, что она убила человека. Пока ее вина не доказана. Но да, это была она.

– А зачем тебе было спрашивать про ее рост?

– Ты действительно хочешь знать?

– Угу.

– Ну, дело в том, что говорят, будто она убила человека, который был намного выше ее, ударив его по макушке каким-то орудием. Вот меня и интересует, достаточно ли было ее роста, чтобы она смогла это сделать.

– Значит, Энди придется еще доказать, что она смогла?

– Энди?

– Ну, мамина подруга. Она прокурорша по твоему делу, так мама сказала.

– Ты имеешь в виду Андреа Фриман? Высокую темнокожую даму с очень короткой стрижкой?

– Ага.

Значит, она уже «Энди», подумал я. Энди, которая сказала, что только шапочно знакома с моей женой.

– Выходит, они с мамой добрые подруги? Не знал.

– Они занимаются йогой, а иногда, когда со мной остается Джина, вместе ходят куда-нибудь. Она тоже живет в Шерман-Оукс.

Джина была няней, которую моя бывшая вызывала, когда меня не было или когда она не хотела, чтобы я был в курсе ее светской жизни. Или когда мы ходили куда-нибудь вместе.

– Слушай, Хей, можешь сделать мне одолжение? Не говори никому, о чем мы с тобой разговаривали и о чем я спрашивал по телефону. Это в некотором роде частная информация, и я не хочу, чтобы она дошла до Энди. Мне вообще-то не стоило звонить в твоём присутствии.

– Ладно, не скажу.

– Спасибо, солнышко.

Я подождал, не скажет ли она еще чего-нибудь касающегося моего дела, но она вернулась к своему учебнику естествознания, лежавшему перед ней на столе.

А я – к своему протоколу вскрытия и фотографиям смертельных ран на голове Бондуранта. Патологоанатом выбрил то место на его голове, где находились раны. Чтобы дать представление об их размерах, рядом лежала линейка. Кожа вокруг ран была красноватой и разорванной, но кровь смыли, чтобы увидеть форму ран – она была округлой. Две раны перекрывали друг друга, третья располагалась всего в дюйме от них.

Круглое очертание следа от орудия убийства наводило на мысль о молотке. Я не из тех мужчин – мастеров на все руки, которые умеют все в доме починить, но что находится в ящике с инструментами, знаю и знаю, что у большинства молотков боек круглый, иногда овальный. Наверняка это подтвердит эксперт по инструментам из отдела коронера, но всегда лучше быть на шаг впереди и предвосхищать выводы и действия противника. Я заметил, что в каждом отпечатке орудия имелась маленькая V-образная отметина, но не мог догадаться, что она означает.

Я снова просмотрел отчет об обыске и обратил внимание, что в списке изъятых в Лайзином гараже инструментов молоток не значился. Это было странно, потому что было изъято множество других, менее употребительных инструментов. Опять же дело могло быть в том, что обыск проводился до вскрытия, когда многие факты еще не стали известны. Полиция просто забрала все инструменты, не выделяя какой-то определенный. Тем не менее вопросы оставались.

Куда подевался молоток?

И был ли это молоток?

Разумеется, это был первый обоюдоострый меч в этом деле. Обвинение будет утверждать, что отсутствие молотка в полном наборе рабочих инструментов свидетельствует о виновности. Обвиняемая воспользовалась им, чтобы убить жертву, а затем избавилась от него, стараясь скрыть свою причастность к преступлению.

Точка зрения защиты на этот факт будет иной: отсутствие молотка свидетельствует в пользу невиновности. Нет орудия – нет связи с обвиняемой – нет и дела.

На бумаге все выглядит убедительно. На деле – не всегда. Обычно в подобных случаях присяжные склоняются на сторону обвинения. Можно назвать это эффектом защиты дома. Обвинение – всегда «домашняя» команда.

Тем не менее я сделал пометки: сказать Циско, чтобы он лучше поискал молоток; выяснить у Лайзы, что ей известно; найти ее мужа – хотя бы для того, чтобы спросить его, был ли в его комплекте инструментов молоток и что с ним случилось.

Следующая серия снимков изображала череп после того, как с него была удалена кожа. Повреждения были обширными, все три удара проломили кость, и трещины волнами расходились от эпицентра ударов. Раны описывались как несовместимые с жизнью, и снимки полностью подтверждали это заключение.

В отчете о вскрытии перечислялись и другие повреждения на теле – ссадины и даже разрывы кожи, а также три сломанных зуба, но их патологоанатом считал полученными в резуль-

тате падения, поскольку Бондурант рухнул лицом вниз на цементный пол. Он потерял сознание, если не был мертв еще до того, как ударился об пол. Никаких травм, свидетельствовавших о сопротивлении, не найдено.

К протоколу вскрытия были приложены также фотокопии снимков с места преступления, предоставленные патологоанатому полицейским управлением Лос-Анджелеса. Это был не полный комплект, а лишь шесть фотографий, показывавших местоположение тела *in situ* – то есть так, как оно было обнаружено. Мне бы хотелось располагать полным набором снимков, причем подлинных, а не фотокопий, но их я не мог получить до тех пор, пока судья не снимет запрет на знакомство с доказательствами, наложенное Энди Фриман.

Фотокопии фиксировали под самыми разными углами обзора положение тела Бондуранта, распростертого в гараже между двумя автомобилями. Водительская дверца его «луксуса» была открыта. На полу рядом – картонный стакан из «Джоуз Джоу» и лужица расплескавшегося кофе. Неподалеку – раскрытый портфель.

Бондурант лежал лицом вниз, спина и макушка головы испачканы кровью. Казалось, что глаза у него открыты и смотрят прямо в пол. Маркером на фотографиях были обведены капли крови на полу. Никаких предположений относительно того, была ли это кровь, брызнувшая непосредственно из раны в момент нападения или накапавшая с орудия убийства, в отчете не содержалось.

Я обратил особое внимание на портфель. Почему он открыт? Пропало ли из него что-нибудь? Если преступник, совершив убийство, рискнул потратить время на то, чтобы обыскать портфель, значит, это хладнокровный и расчетливый человек. В тот момент гараж уже наполнялся прибывающими на работу сотрудниками банка. Не побояться шарить в портфеле рядом со своей жертвой – чрезвычайный риск, человек, убивший в состоянии аффекта или из мести, ни за что не стал бы этого делать. Не похоже на действия дилетанта.

Я сделал еще несколько пометок, касающихся возникших у меня вопросов, и памятку для себя: сказать Циско, чтобы он выяснил, есть ли в банковском гараже персональные парковочные места и написана ли на стене перед местом, где припарковался Бондурант, его фамилия. То, что прокуратура добавила к делу обвинение в организации засады, указывало: они уверены, что Лайза Тремел знала, где и когда появится Бондурант, – ведь им придется доказывать это в суде.

Я закрыл папку с делом Тремел, натянул на ее углы резинки и подsunул под них блокнот.

– Все в порядке? – спросил я Хейли.

– Конечно.

– Ты закончила?

– Еду или уроки?

– И то и другое.

– Есть я закончила, но у меня еще остались обществоведение и английский. Хотя, если хочешь, можем ехать.

– Мне нужно просмотреть еще несколько папок. У меня завтра слушания.

– По этому делу об убийстве?

– Нет, по другим.

– Это по тем, где ты стараешься помочь людям остаться в своих домах?

– Именно.

– А почему этих дел так много?

Устами ребенка...

– Алчность, милая. Все это из-за всеобщей алчности.

Я взглянул на нее, чтобы понять, достаточно ли такого объяснения, но она не возвращалась к урокам, а смотрела на меня выжидательно – четырнадцатилетнее существо, которому интересно то, что большей части населения страны не интересно вовсе.

– Ну, смотри: чаще всего, чтобы купить дом или кооперативную квартиру, нужна куча денег. Именно поэтому так много людей могут лишь арендовать жилье. Большинство же тех, кто покупает дом, должны выложить очень солидную сумму, но у них почти никогда нет достаточно денег, чтобы расплатиться за него сразу и полностью. Тогда они идут в банк и берут заем. Банк проверяет, достаточно ли у них собственности и достаточный ли доход они получают, чтобы выплатить этот заем. Он называется ипотечной ссудой. Если все оказывается в порядке, эти люди покупают дом и начинают ежемесячно в течение многих лет выплачивать свою ипотечную ссуду. Это понятно?

– Ты хочешь сказать, что они платят ренту банку?

– Ну, что-то вроде того. Только когда ты арендуешь жилье у хозяина, ты не являешься его владельцем. А если ты берешь ипотеку, дом считается твоей собственностью. Это уже твой дом, а говорят, что иметь собственный дом – это и есть заветная американская мечта.

– А твой дом тебе принадлежит?

– Да. И дом твоей мамы – тоже ее собственность.

Она кивнула, но я не был уверен, что подобные вещи доступны четырнадцатилетней девочке. Ее родители, имеющие разные дома и по отдельности выплачивающие свои ипотечные залоги, не являли собой образец воплощения американской мечты.

– Далее. Некоторое время назад процедуру покупки дома значительно облегчили, и вскоре уже практически каждый, обратившись в банк или к маклеру, мог свободно получить ссуду для покупки дома. Началось массовое мошенничество и взяточничество, очень часто ссуды выдавались людям, которым их выдавать было нельзя. Некоторые лгали, чтобы получить ссуду, а иногда лгали те, кто ссуды выдавал. Причем речь идет о миллионах таких ссуд, Хей, а когда их так много, то не хватает ни людей, ни правил, чтобы держать все под контролем.

– Что, никто никого не заставлял возвращать долги?

– Отчасти и это, но в большинстве случаев люди брали на себя больше, чем было им по силам. Ведь эти ссуды выдаются под проценты, ставки которых меняются. От ссудного процента зависит, сколько владелец дома должен платить каждый месяц, а ставка процента может вырасти весьма значительно. Иногда случается то, что называют платежом «воздушный шар» – это когда по истечении пяти лет ты должен сделать крупный заключительный платеж в погашение основной суммы залога. Чтобы всю эту длинную и сложную историю изложить коротко, скажу: экономика страны пошла вниз, а вместе с ней стали падать цены на жилье. Возник кризис, потому что миллионы людей в стране не смогли расплатиться с банками за купленные ими дома и в то же время не могли их продать, потому что теперь они стоили меньше того, что эти люди задолжали банку. Но банкам, прочим заимодавцам и тем инвестиционным синдикатам, которые держали все ипотечные залоги в своих руках, на это было наплевать. Они желали во что бы то ни стало получить обратно свои деньги. Поэтому, когда люди потеряли способность платить, они попросту начали отбирать у них дома.

– А эти люди начали нанимать тебя.

– Некоторые из них. Но сейчас заведены миллионы дел об отъеме домов. Все кредиторы стремятся получить свои деньги, и иногда кое-кто из них делает всякие плохие вещи, а кое-кто нанимает людей, чтобы делать эти плохие вещи. Они лгут, обманывают и отнимают у людей дома, делая это нечестно или в обход закона. Вот такими-то делами я и занимаюсь.

Я посмотрел на дочь, мне показалось, что она уже перестала меня слушать. Придвинув вторую стопку папок, лежавших на столе, я открыл верхнюю и, начав читать, продолжил свою лекцию:

– Ну вот дело, над которым я сейчас работаю. Семья купила дом шесть лет назад, их ежемесячный платеж составлял девятьсот долларов. Два года спустя, когда это дерьмо начало за...

– Папа!

– Прости. Два года спустя, когда все пошло в этой стране наперекосяк, им повысили ссудный процент, а соответственно возросли и ежемесячные платежи. Одновременно с этим муж, который был водителем школьного автобуса, потерял работу, потому что попал в аварию. Тогда муж с женой пошли в банк и сказали: «Эй, у нас возникла проблема. Нельзя ли изменить или по-новому организовать условия нашего займа, чтобы мы имели возможность продолжать выплачивать свой долг?» Это называется реструктуризацией долга, но на самом деле это всего лишь отсрочка. Эти люди поступили правильно, но банк обманул их и довел до новой беды. Им сказали: да, конечно, мы продолжим с вами работать и что-нибудь придумаем, а вы пока платите что можете. Таким образом, владельцы дома платили что могли, но этого было недостаточно. Они ждали, ждали, однако из банка не было ни слуху ни духу. Не было до тех пор, пока они не получили по почте уведомление, что дом у них отбирают. Вот как поступают банки, и вот с чем я пытаюсь что-то сделать. Это, знаешь ли, Хей, как борьба Давида с Голиафом. Гигантские финансовые институты железной пятой давят людей, а у тех слишком мало ребят вроде меня, которые изъявляют готовность за них вступить.

Только объясняя всю эту кухню малолетней дочери, я наконец понял сам, почему стал заниматься этой конкретной сферой юриспруденции. Да, кое-кто из моих клиентов просто вел хитрую игру с системой. Они были шарлатанами не хуже самих банков, которые пытались их обмануть. Но другие мои клиенты были действительно растоптаны и обездолены. Они являлись настоящими жертвами, и я хотел защитить их, дать возможность остаться жить в своих домах хотя бы столько, сколько возможно.

Хейли занесла ручку над тетрадкой и лишь ждала момента, когда я «отпущу» ее, чтобы вернуться к урокам. Таким образом она выказывала вежливость – должно быть, это у нее от матери.

– Так или иначе, вот чем я занимаюсь. А теперь можешь возвращаться к своей домашней работе. Хочешь еще что-нибудь попить или десерт?

– Папа, блинчики – это и есть разновидность десерта.

Она носила брекететы, и сегодня выбрала лаймово-зеленые скобки. Когда она говорила, я не мог оторвать взгляд от ее причудливо украшенных зубов.

– Ну да, конечно. Тогда, может, что-нибудь выпьешь? Еще молока?

– Нет, спасибо, больше ничего не хочу.

– Ладно.

Я вернулся к работе и разложил перед собой три папки с делами об отъеме домов. После того как была запущена радиореклама, работы у нас стало столько, что приходилось группировать судебные слушания: то есть сводить вместе дела, которые вел один и тот же судья. Следующим утром у меня было три разбирательства под началом судьи Альфреда Бирна в суде центрального округа. Стратегия защиты во всех трех случаях базировалась на утверждении, что дома были отобраны незаконно и заимодатель или агент, нанятый заимодателем, совершили мошенничество в отношении моих клиентов.

По всем трем делам я добился отсрочки – мои клиенты оставались в своих домах и пока не были обязаны вносить ежемесячные платежи. Противная сторона тоже рассматривала это как жульничество, равное по масштабу эпидемии отъема домов. Мой оппонент выражал мне свое презрение за то, что я якобы мошенничаю сам, лишь отсрочивая неизбежный финал.

Меня это не трогало. Тех, кто приходит в эту сферу из уголовной, всегда презирали.

– Я опоздала на блинчики?

Подняв голову, я увидел, как моя бывшая жена прошмыгнула в кабинку и села рядом с нашей дочерью, успев чмокнуть ее в щеку, прежде чем девочка недовольно отстранилась, – в таком уж возрасте она сейчас пребывала. Я бы предпочел, чтобы Мэгги села рядом со мной и поцеловала меня. Но мог и подождать.

Собирая папки со стола, чтобы освободить место, я улыбнулся и сказал:

– Для блинчиков никогда не бывает поздно.

8

Формальное обвинение должно было быть предъявлено Лайзе Треммел в Ван-Нуйсе в следующий вторник. Это рутинная предварительная процедура, призванная назначить дело к слушанию и запустить часы безотлагательного рассмотрения государственного обвинения по существу. Однако поскольку моя клиентка была выпущена на свободу под залог, мы не были заинтересованы в безотлагательном рассмотрении. Пока она дышала вольным воздухом, не было никакой нужды спешить. Пусть дело зреет постепенно, как летняя гроза, и суд начнется тогда, когда защита будет к нему полностью готова.

Но процедура предъявления обвинения была подходящим моментом, чтобы выпустить Лайзу вперед и дать ей возможность безоговорочно и темпераментно произнести свое «Невиновна!» под судейский протокол, а также перед видеокамерами многочисленных корреспондентов. Хотя сейчас их собралось меньше, чем на первом предварительном слушании, поскольку федеральные средства массовой информации склонны ослаблять свое внимание на период долгого и скучного прохождения дела через судебную систему, местные медиа были представлены широко и запечатлели пятнадцатиминутное заседание добросовестно.

Предъявление обвинения и ведение предварительного слушания было поручено судье Высшего суда Дарио Моралесу. Целью такого заседания является формальное утверждение предъявленных прокуратурой обвинений. Несомненно, обвинения в адрес Лайзы будут оставлены в силе, и дело передадут другому судье, который и будет рассматривать его по существу.

Хотя с момента ее ареста мы почти каждый день разговаривали с Лайзой по телефону, не встречался я с ней больше недели. Она отклоняла мои предложения поговорить с глазу на глаз, и теперь я понял почему. Появившись в суде, она выглядела совершенно другим человеком. Ее волосы были коротко и стильно острижены, а лицо выглядело гладким и излишне румяным. По залу пронесся шепоток, что Лайза прошла курс лицевых инъекций ботокса, чтобы выглядеть более привлекательной.

Я не сомневался, что эти физические изменения, равно как и изящный новый костюм, в котором она предстала, – дело рук Герба Дэла. Эти двое казались неразлучными, и участие Дэла беспокоило меня все больше и больше. Он без конца направлял ко мне продюсеров и сценаристов, которые настойчиво звонили в мой офис. Лорне приходилось постоянно отклонять их притязания закрепить за собой кусочек истории Лайзы Треммел. При беглом просмотре интернетной базы данных оказывалось, что все протеже Герба Дэла – голливудские писак и стервятники самого низкого пошиба. Мы отнюдь не возражали против солидных голливудских вливаний в нашу казну, чтобы оплачивать растущие расходы, но все эти люди относились к разряду «сделка сначала – оплата потом», что нас совершенно не устраивало. Тем временем мой собственный агент пребывал в поиске, стараясь заключить сделку с солидным авансом, который позволил бы мне выдать зарплату сотрудникам, оплатить аренду офиса, а также вернуть деньги Дэлу, чтобы отделаться от него.

В любом процессе самая важная информация и самые важные действия – отнюдь не те, что задокументированы в материалах судебного дела. Так было и с Лайзиными слушаниями. После того как ее заявление было запротоколировано и Моралес объявил, что слушания по существу состоятся через две недели, я сообщил судье, что защита хотела бы вынести на рассмотрение суда несколько ходатайств. Он дал разрешение, я вышел вперед и вручил его секретарю пять отдельных листков. Копии этих документов я передал также Андреа Фриман.

Первые три ходатайства были подготовлены Аронсон после тщательного изучения запроса полиции Лос-Анджелеса об ордере на обыск, видеозаписи допроса Лайзы Треммел детективом Керленом, а также вопросов, которые ей задавались. Задача состояла в том, чтобы доказать, что фактически Лайза была взята под арест не после, а до зачтения ей ее прав. Арон-

сон обнаружила неувязки, нарушения процедуры и преувеличения в толковании фактов. В ходатайствах, ею составленных, содержалась просьба исключить из дела запись допроса, равно как и все объекты, изъятые при обыске в доме нашей подзащитной.

Ходатайства были написаны ясно и убедительно. Я гордился Аронсон и собой, что сумел разглядеть в ней неотшлифованный алмаз уже по тому ее резюме, которое легло мне на стол. Но суть заключалась в том, что я прекрасно знал: у этих ходатайств почти нет шанса быть удовлетворенными. Ни один судья не захочет исключать из дела об убийстве вещественные доказательства, если ему нужны голоса избирателей, чтобы остаться на судейской скамье. Поэтому он будет искать способ сохранить статус-кво и примет решение по вещественным доказательствам на глазах у присяжных.

Тем не менее ходатайства, составленные Аронсон, играли важную роль в стратегии защиты, потому что поданы они были в связке с двумя другими. В одном содержалась просьба немедленно запустить процесс раскрытия имеющихся по делу улик, предоставив защите доступ ко всем находящимся в распоряжении «Уэстленд файнэншиэл» архивам и внутренним служебным запискам, имеющим отношение к Лайзе Тремел и Митчеллу Бондуранту. В другом – требование к обвинению предоставить защите возможность изучить содержание компьютера Лайзы Тремел, ее мобильного телефона и личных документов, изъятых при обыске ее дома.

Поскольку Моралес должен был постараться проявить объективное отношение к обеим сторонам, моя стратегия заключалась в том, чтобы подтолкнуть его к соломонову решению: разрубить младенца пополам. Отказать в удовлетворении ходатайств об исключении доказательств из дела, но предоставить защите доступ ко всему тому, о чем шла речь в двух других ходатайствах.

Разумеется, и Моралес, и Фриман не были новичками и прекрасно понимали, что я делаю, но то, что они это понимали, отнюдь не означало, что они могут мне помешать. Кроме того, уменявармане лежало шестое ходатайство, которого еще не подавал, – это был мой козырь про запас.

Моралес дал Фриман десять дней на удовлетворение наших ходатайств и быстро перешел к следующему делу. Хороший судья никогда не допускает простое в ходе сессии. Повернувшись к Лайзе, я попросил ее подождать меня в коридоре, потому что собирался переговорить с прокурором. Я заметил, что Дэл ждет ее у выхода, сгорая от нетерпения отвезти домой. С ним я решил разобраться после, а пока направился к прокурорскому столу. Фриман, опустив голову, что-то писала в блокноте.

– Привет, Энди.

Она подняла голову, ожидая увидеть приятеля, который так по-свойски к ней обращается, и губы ее уже было начали растягиваться в улыбке, но увидела меня, и улыбка тотчас исчезла. Я выложил перед ней на стол свое шестое ходатайство.

– Взгляните, когда будет минутка. Я собираюсь внести его завтра утром. Не хотелось, знаете ли, заваливать суд таким количеством бумаг в один день. А завтра утром будет в самый раз, но я подумал: раз это касается вас, нужно предупредить вас заранее.

– Меня? О чем это вы?

Я не ответил. Оставив ее в недоумении, я покинул зал суда и, выйдя через двойную дверь, увидел свою клиентку и Герба Дэла, дающих аудиенцию многочисленным репортерам, выстроившимся перед ними полукругом. Я быстро подошел сзади, схватил Лайзу за руку и на полуслове оттащил в сторону.

– Н-н-ну, в-в-все, ребята, с меня хватит! – произнес я любимую реплику заики поросенка Порки из популярного мультсериала.

Лайза пыталась освободиться, но мне удалось удержать ее и увести прочь от толпы по коридору.

– Что вы делаете? – протестовала она. – Вы ставите меня в неловкое положение!

– Я ставлю вас в неловкое положение? Лайза, это вы сами ставите себя в неловкое положение, якаясь с этим типом. Я же сказал, чтобы вы не имели с ним никаких дел. Вы только посмотрите на себя: выглядите так, словно вы – кино-дива. Это суд, Лайза, а не телешоу «Вечерние развлечения».

– Я рассказывала им свою историю.

Когда мы оказались достаточно далеко, чтобы никто нас не слышал, я остановился и сказал:

– Лайза, вы не должны вот так напрямую разговаривать с прессой. Все, что вы скажете, может вернуться к вам бумерангом и больно шарахнуть по голове.

– О чем вы говорите? Это была идеальная возможность представить им мою версию всей этой истории. Меня засадили в тюрьму по ложному обвинению, и настало время мне высказаться открыто. Я уже говорила вам, что к молчанию прибегают только те, кто виновен.

– Дело в том, что у окружной прокуратуры есть своя пресс-служба, и они копируют и записывают на пленку все материалы о вас, которые появляются в печати, на радио или телевидении. У них есть распечатки всего, что вы говорите. И если когда-нибудь вы хоть на йоту отойдете от своих слов, они тут же пригвоздят вас. Они распнут вас на глазах присяжных. Поймите же, Лайза, что все эти ваши выступления не стоят такого риска. Вам следует предложить мне говорить от вашего имени. А если уж вы так горите желанием рассказывать свою историю лично, то мы приготовим и отрепетируем с вами ваши речи и спланируем стратегически наиболее выгодные появления перед репортерами.

– Но как же Герб? Он уверил меня, что я не...

– Позвольте объяснить вам еще раз, Лайза: Герб Дэл – не ваш адвокат, и приоритетными для него являются отнюдь не ваши интересы. У него есть свои. Это ясно? Почему я никак не могу вам этого втолковать? Вы должны отделаться от него. Он...

– Нет! Я не могу! Он единственный, кто действительно обо мне заботится.

– Ах, Лайза, у меня сейчас сердце разорвется от умиления. Если он единственный, кто действительно заботится о вас, почему он до сих пор разговаривает с этими людьми? – Я указал на плотную толпу репортеров и фотографов. Дэл продолжал разглагольствовать, безусловно, потчует их всем тем, чего они хотели. – Что он им говорит, Лайза? Вы знаете? Уверен на все сто, что не знаете, и это, согласитесь, странно, потому что вы – подзащитная, я – ваш адвокат. А он кто?

– Он имеет право говорить от моего имени.

Пока мы наблюдали, как Дэл, возводя палец к потолку, взывал о чем-то, обращаясь к репортерам, я заметил, как открылась дверь зала, где мы только что заседали. Из него решительным шагом, сканируя коридор взглядом и держа в руке мое шестое ходатайство, вышла Андреа Фриман. Сначала ее внимание привлекла кучка журналистов, но потом она увидела, что в центре ее – не я. Когда ее радар засек меня, она сменила курс и стремительно направилась прямо ко мне. Несколько корреспондентов попытались окликнуть ее, но она сердито отмахнулась от них моим ходатайством.

– Лайза, идите к той вон скамейке, сядьте и ждите меня. И не разговаривайте ни с какими репортерами.

– А как насчет...

– Просто делайте то, что я говорю.

Когда Лайза отошла, Фриман приблизилась ко мне. Она была в бешенстве, я видел, как огонь полыхал в ее глазах.

– Холлер, что это за дерьмо?

Она потрясла над головой моим ходатайством. Я сохранил безмятежный вид даже тогда, когда она подошла ко мне слишком близко.

– Полагаю, совершенно очевидно, что это, – ответил я. – Это ходатайство об отстранении вас отдела, поскольку у вас возник конфликт интересов.

– У *меня* возник конфликт интересов?! Какой такой конфликт?

– Послушайте, Энди... ведь я могу называть вас Энди, не так ли? Если моя дочь так вас называет, значит, и мне можно, правда?

– Прекратите нести околесицу, Холлер.

– Пожалуйста. Конфликт, который я имею в виду, состоит в том, что вы обсуждали это дело с моей бывшей женой и...

– Которая, между прочим, является прокурором, работающим в том же учреждении, что и я.

– Это правда, но обсуждали вы его не только в офисе. На самом деле это случилось во время занятий йогой и в присутствии моей дочери, а возможно, и кое-где еще, насколько мне известно.

– О, перестаньте! Какой вздор.

– Вот как? Тогда зачем вы мне солгали?

– Я никогда не лгала. Что вы имеете...

– Я спросил, знакомы ли вы с моей бывшей женой, и вы ответили: шапочно. А на самом деле это неправда, не так ли?

– Мне просто не хотелось обсуждать это с вами.

– Значит, вы солгали. Об этом я в ходатайстве не упомянул, но могу добавить, прежде чем представить его суду. И пусть судья решает, важно это или нет.

Она сделала долгий выдох и обреченно сдалась:

– Чего вы хотите?

Я осмотрелся. Никто нас не слушал.

– Чего я хочу? Я хочу, чтобы вы поняли, что я тоже умею играть по вашим правилам. Вы решили вести себя со мной жестко, я тоже могу.

– Что вы имеете в виду, Холлер? Какой услуги за услугу вы требуете?

Я кивнул. Вот это деловой разговор.

– Вы понимаете: если завтра я подам это ходатайство, вы отойдете в область предания. Судья склонится на сторону защиты. Он постарается избежать всего, что могло бы ему навредить. Кроме того, ему хорошо известно, что в окружной прокуратуре работает куча вполне дееспособных прокуроров. Прислать вам замену ничего не стоит.

Я указал на свору репортеров, собравшихся в коридоре, большинство из них по-прежнему не отходили от Герба Дэла.

– Видите, какой ажиотаж дело вызывает в прессе? Увы, для вас все это останется позади. Вероятно, это самое значительное дело в вашей карьере, и оно уплывет от вас. Никаких пресс-конференций, никаких крупных заголовков, никаких прожекторов. Все достанется тому, кого пришлют на ваше место.

– Ну, я еще поборюсь, и далеко не факт, что судья Моралес купится на ваш бред. Я объясню ему без обиняков, что вы делаете: пытаетесь торговаться с окружной прокуратурой, пытаетесь избавиться от прокурора, которого откровенно боитесь.

– Вы можете сказать ему все, что угодно, но вам придется ответить судье – причем в открытом заседании, – как могло случиться, что моя четырнадцатилетняя дочь на прошлой неделе за ужином пересказывала мне факты по этому делу.

– Это чушь. Вам должно быть стыдно использовать вашу...

– Что? Вы хотите сказать, что я лгу? Или что моя дочь лжет? Ведь ее тоже можно вызвать в суд. И я вовсе не уверен, что вашему начальству понравится такой спектакль или такие, например, газетные заголовки: «Окружная прокуратура допрашивает с пристрастием четырнадцатилетнюю девочку, называя ребенка лгуньей». Несколько безвкусно, вы не находите?

Фриман повернулась ко мне спиной и сделала было шаг, чтобы уйти, но остановилась. Я понял, что моя взяла. Ей следовало бы уйти от меня и отказаться от дела, но она не смогла. Это дело и все, что оно ей сулило, были ей необходимы.

Она снова повернулась, посмотрела сквозь меня, словно меня там и не было или я был мертвецом, и сказала:

– Ну так чего же вы хотите?

– Пожалуй, я могу не подавать это ходатайство завтра. Пожалуй, я могу даже отозвать два из тех, которые вынужден был подать, чтобы вернуть своей клиентке принадлежащие ей вещи и просмотреть документы «Уэстленда». Единственное, что мне нужно, – это сотрудничество. Дружеский обмен материалами по делу. И я хочу, чтобы сотрудничество началось прямо сейчас, не позже. Я не желаю ходить к судье каждый раз, когда мне понадобится что-нибудь, на что я имею право.

– Я могу пожаловаться на вас в гильдию адвокатов.

– Отлично, мы можем подать встречные жалобы. Они проведут расследование в отношении нас обоих и обнаружат лишь то, что вы действовали противозаконно, обсуждая дело с дочерью и бывшей женой адвоката подсудимой.

– Я не обсуждала его с вашей дочерью. Она просто при этом присутствовала.

– Уверен, что коллегия, проводя расследование, отметит это различие.

Я предоставил ей возможность с минуту помучаться. Она явно дрогнула, но требовался последний толчок.

– Да, кстати, если ходатайство завтра будет подано, не сомневайтесь, что я оброну словечко для «Таймс». Кто там у них судебный репортер? Солтере? Уверен, она сочтет это интересным побочным сюжетом. Милый маленький эксклюзив.

Она кивнула так, словно только сейчас вся сложность ее положения стала ей кристально ясна.

– Отзовите свои ходатайства, – сказала она. – К концу пятницы вы получите все, о чем просили.

– Завтра.

– Времени не хватит. Мне нужно все собрать и сделать копии. А копировальный пул всегда завален работой.

– Тогда в четверг к полудню – или я подаю ходатайство.

– Ладно.

– Отлично. Как только с этим будет покончено, вероятно, мы сможем начать переговоры о соглашении. Благодарю вас, Энди.

– Идите к черту, Холлер. Никакого соглашения не будет. Мы пригвоздим ее, и я буду смотреть на вас, а не на нее, когда станут оглашать вердикт.

Она развернулась и зашагала прочь, но вдруг резко обернулась:

– И не называйте меня Энди. Вы не имеете права так меня называть.

Длинными сердитыми шагами она направилась к лифтам, не обратив ни малейшего внимания на репортера, который подбежал к ней рысцой и попытался вырвать хоть несколько слов.

Я знал, что никакого досудебного соглашения быть не может – моя клиентка на это никогда не пойдет, – но подбросил Фриман этот мячик, чтобы она могла швырнуть его обратно мне в лицо. Я хотел, чтобы она ушла сердитой, но не чересчур, пусть думает, будто оставила за собой маленький трофей. Так с ней будет легче договариваться.

Оглянувшись, я увидел, что Лайза послушно ждет меня на скамейке, которую я указал, и сделал ей знак подойти.

– Ладно, Лайза, пошли отсюда.

– А как же Герб? Он привез меня сюда.

– На своей машине или на вашей?

– На своей.

– Тогда доберется. А вас домой отвезет мой водитель.

Мы направились в нишу, где располагались лифты. К счастью, Фриман уже спустилась к себе в контору на второй этаж. Я нажал кнопку, но лифт долго не приходил, и к нам успел присоединиться Дэл.

– Как, вы уходите без меня?

Я не ответил на его вопрос и обошелся без любезностей.

– Знаете что, вы разозлили меня своими выступлениями перед прессой. Если вы думаете, что помогаете делу, то должны вас разочаровать: вы ему только мешаете. И вы уже достали меня.

– Ба, что за выражения? Мы все-таки в суде.

– Мне плевать, где мы. Не смейте говорить от имени моей клиентки. Вы поняли? Если это повторится, я созову пресс-конференцию, и вам очень не понравится то, что я там о вас расскажу.

– Ладно. Так и быть. Это была моя последняя пресс-конференция. Но у меня вопрос: что со всеми теми людьми, которых я к вам посылал? Некоторые из них звонили мне и говорили, что ваши сотрудники обошлись с ними весьма грубо.

– Да, будете посылать их и дальше – мы и дальше будем обходиться с ними так же.

– Эй, я не новичок в бизнесе, и это все вполне легально работающие люди.

– «На изрытой стороне».

Дэл опешил. Он посмотрел на Лайзу, потом снова на меня.

– Что это означает?

– «На изрытой стороне». Да ладно, не делайте вид, будто никогда не слышали этого названия.

– Вы имеете в виду «На теневой стороне»?

– Нет, я имею в виду «На изрытой стороне» – фильм, сделанный одним из тех продюсеров, которых вы к нам посылали. Кино о даме, которая усыновила футболиста, а потом заставляла его заниматься с ней сексом по три-четыре раза в день. А когда ей это надоело, стала приглашать к себе всю футбольную команду. Не думаю, что этот фильм собрал столько же денег, сколько «На теневой стороне».

Лайза стояла с застывшим в изумлении лицом. У меня было ощущение, что мой рассказ о голливудских связях Дэла отнюдь не соответствовал тому, что он сам вот уже несколько недель напештывал ей в уши.

– Да, вот что он делает для вас, Лайза. И вот с какими людьми хочет вас свести.

– Послушайте, – сказал Дэл, – вы имеете хоть какое-то представление о том, как трудно в этом городе что-нибудь проверить, осуществить какой-нибудь проект? Есть люди, которые на это способны, а есть такие, которые не способны. Мне все равно, что этот парень делал раньше, если теперь у него все на мази. Понимаете? Это законопослушные люди, и они готовы выложить кучу денег, Холлер.

Лифт наконец пришел. Я подтолкнул в него Лайзу, но когда Дэл попытался войти следом за нами, выставил вперед руку, уперся ему в грудь и легонько отстранил.

– Отвалите, Дэл. Вы получите свои деньги и еще немного сверх того. Но только отвалите.

Я вошел в лифт и повернулся лицом к двери, чтобы быть уверенным, что Дэл не запрыгнет в него в последний момент. Он не попытался это сделать, но и не отступил назад. Пока дверь окончательно не закрылась, он не спускал с меня полного ненависти взгляда.

9

Мы переехали в свой новый офис в субботу утром. Это было трехкомнатное помещение в здании на углу бульваров Виктория и Ван-Нуйс. И само здание называлось: Виктори-билдинг – Дом победы, так сказать. Мне это нравилось. Офис был полностью оборудован и находился всего в двух кварталах от дома правосудия, где Лайзе Треммел предстояло пройти через судебный процесс.

Все работали не покладая рук. Включая Рохаса, одетого в футболку и пестрые шорты, что позволяло видеть татуировки, почти полностью покрывавшие его руки и ноги. Не знаю даже, что шокировало меня больше: вид татуировок Рохаса или его общий вид в чем-то, кроме строгого костюма, который он всегда надевал, когда возил меня.

Расселение на новом месте было таково: я имел отдельный кабинет, другой, больший по площади, делили Циско и Аронсон, а между ними Лорна устроила свою приемную. Помещение с заднего сиденья «линкольна» в офис с десятифутовыми потолками, полноценным столом и даже диваном, на котором можно было прикорнуть, представляло собой огромную перемену. Первое, что я сделал, устроившись на новом месте, – это использовал все горизонтальные поверхности, включая полированный деревянный пол, чтобы разложить более восьмисот страниц документов следствия, полученных от Андреа Фриман.

Большинство из них относилось к «Уэстленду». В свою очередь, большинство бумаг этого раздела являлось техническими документами. Это была пассивная месть Фриман за манипуляцию, которой она подверглась со стороны защиты. Здесь были собраны десятки многостраничных инструкций и буклетов, касающихся банковской политики и банковских процедур, а также куча совершенно ненужных мне форм. Все это я сложил в одну огромную стопку. Отдельный раздел составляли копии всех сообщений, направленных непосредственно Лайзе Треммел, большинством из них я уже располагал и был знаком с их содержанием. Их я сложил во вторую стопку. И наконец, имелись копии внутрибанковской корреспонденции, а также переписки Митчелла Бондуранта с компанией, через которую банк осуществлял процедуру отъема домов.

Компания называлась АЛОФТ, и мне она была хорошо знакома, поскольку являлась моим оппонентом как минимум в трети всех дел, которые я вел. АЛОФТ была настоящей мельницей, она собирала и отслеживала прохождение всех документов, которые требовались в ходе процессов по отъему жилья. Это была компания-посредник, которая позволяла банкам и прочим займодавцам сохранять видимость чистых рук в грязном деле лишения людей их домов.

Компании вроде АЛОФТ делали практически всю работу, банку оставалось лишь направить своему клиенту уведомление о лишении его права собственности на заложенный дом.

Именно эта стопка документов представляла для меня наибольший интерес, и именно в ней я откопал документ, который мог изменить весь ход данного дела.

Я сел за стол и стал изучать телефонный аппарат. На нем было больше кнопок, чем я когда-нибудь смог бы освоить. В конце концов я отыскал кнопку интеркома, соединявшего меня с соседним кабинетом, и нажал ее.

– Аллю?

Никакого ответа. Я нажал снова.

– Циско? Баллоке? Вы там?

Ничего. Я встал и направился к двери, собираясь связаться со своими сотрудниками старомодным, но надежным способом, однако в этот момент из динамика наконец раздался ответ:

– Микки, это ты?

Это был голос Циско. Я поспешил обратно к столу и нажал кнопку.

– Да, это я. Можешь зайти ко мне? И прихвати с собой Баллоке.

– Вас понял, перехожу на прием.

Несколько минут спустя в кабинет вошли мой дознаватель и моя помощница.

– Эй, босс, – сказал Циско, оглядев стопки документов на полу, – офис существует для того, чтобы держать все это в ящиках стола, картотечных шкафах и на полках.

– Когда-нибудь так и будет, – пообещал я. – Закройте дверь и садитесь.

Когда мы расселись, я посмотрел на них через свой, точнее, арендованный, необъятный стол и, рассмеявшись, признался:

– Как-то странно себя здесь ощущаю.

– А я бы легко привык к отдельному кабинету, – сказал Циско. – Это Баллоке в диковинку.

– Ничего подобного, – возмутилась Аронсон. – Когда я прошлым летом проходила практику в «Шендлер, Мэсси и Ортиз», у меня был свой кабинет.

– Ну может, в следующий раз у вас будет свой кабинет и в нашей конторе, – сказал я. – Атеперь к делу. Циско, ты отдал лэптоп своему парню?

– Да, закинул вчера утром и сказал, что это сверхсрочная работа.

Имелся в виду Лайзин лэптоп, который был передан нам окружной прокуратурой вместе с ее сотовым телефоном и четырьмя ящиками документов.

– И он сможет нам сказать, что искала в нем окружная прокуратура?

– Он говорит, что сможет представить список файлов, которые они открывали, и выяснить, как долго они с ними работали. А мы из этого сможем сделать вывод, на что именно они обращали внимание. Но на многое не надейся.

– Почему?

– Потому что больно уж легко Фриман согласилась. Не думаю, что она отдала бы нам компьютер, будь там что-то для нее важное.

– Возможно.

Ни Циско, ни Аронсонне были в курсе условий сделки, которую я заключил с Фриман, и рычагов, которые я при этом использовал. Меняя тему, я обратился к Аронсон. После того как она закончила составление ходатайств об исключении некоторых улик из доказательной базы, я переориентировал ее на сбор сведений о жертве. Это задание я решил ей дать после того, как Циско в ходе своих расследований обнаружил кое-какие свидетельства того, что в частной жизни Митчелла Бондуранта не все было в ажуре.

– Баллоке, что вам удалось выяснить о жертве?

– Ну, многое еще предстоит проверить, но нет сомнений, что он стремительно продвигался к краю бездны. В финансовом смысле.

– Как так?

– Дело в том, что, когда дела шли хорошо и финансы лились рекой, он был активным игроком на рынке недвижимости. Между две тысячи вторым и седьмым годами он купил и быстро перепродал двадцать одну единицу недвижимости – большей частью фешенебельные жилые дома, сделал на этом хорошие деньги и тут же вложил их в еще более крупные сделки. Потом экономика застопорилась, и он оказался в ловушке.

– То есть полетел вверх тормашками.

– Совершенно верно. На момент своей смерти он владел пятью огромными поместьями, которые уже не стоили того, что он за них заплатил. Похоже, он больше года предпринимал попытки продать их. Но покупателей не было. Причем по трем из владений в этом году наступал срок платежа «воздушный шар». Это увеличивало его долг более чем на два миллиона долларов.

Я встал, обошел вокруг стола и стал расхаживать по комнате. Доклад Аронсон взволновал меня. Я не знал еще, какое он мог иметь значение для нас, но не сомневался, что мог. Надо было понять это в процессе обсуждения.

– Значит, так: Бондурант, старший вице-президент «Уэстленда» по ссудам, сам пал жертвой той же ситуации, что и множество людей, у которых он отбирал дома. Когда деньги проливались на него золотым дождем, он скупал владения, находившиеся под ипотечным залогом с обязательством платежа «воздушный шар» по истечении пяти лет, полагая, как и все, что сумеет перепродать или перезаложить их задолго до истечения этого пятилетнего срока.

– И сделал бы это, если бы экономику не смыло в унитаз, – подхватила Аронсон. – Но в новых условиях он не смог ни продать, ни перезаложить их, потому что они уже не стоили того, что он за них заплатил. Ни один банк, включая его собственный, не стал бы и рассматривать его предложений.

Вид у Аронсон был хмурый.

– Отличная работа, Дженнифер. В чем дело?

– Просто я думаю: какое все это может иметь отношение к убийству?

– Вероятно, никакого. А может быть, самое непосредственное.

Я снова сел за стол и вручил ей трехстраничный документ, который откопал в ворохе бумаг, переданных нам стороной обвинения. Она взяла его и стала держать так, чтобы и Циско мог его прочесть.

– Что это? – спросила она.

– Думаю, это найденное нами еще дымящееся оружие.

– Я забыл у себя на столе очки, – сказал Циско.

– Прочтите вслух, Дженнифер.

– Это копия заказного письма Бондуранта Луису Оппаризио в «А. Луис Оппаризио. Финансовые технологии», то есть коротко – в АЛОФТ. «Дорогой Луис, к сему прилагаю письмо адвоката по имени Майкл Холлер, представляющего интересы домовладелицы по одному из дел о конфискации, которое Вы вели для “Уэстленда”». Далее указаны имя Лайзы, номер залогового договора и адрес дома. «В своем письме к клиентке мистер Холлер утверждает, что в деле просматриваются многочисленные свидетельства мошенничества. Вы увидите, что он приводит конкретные действия, и все они были предприняты АЛОФТом. Как Вы знаете – мы с Вами это уже обсуждали, – имеются и другие жалобы. Если подтвердятся новые претензии к АЛОФТу, «Уэстленд» окажется в уязвимом положении, особенно учитывая интерес, который правительство в последнее время проявляет к ипотечному бизнесу. Если нам с Вами не удастся достичь понимания и найти выход из сложившейся ситуации, я буду рекомендовать совету директоров «Уэстленда» расторгнуть контракт с Вашей организацией, и все текущие дела будут отменены. Подобное развитие событий также требует со стороны банка подачи ДСД в соответствующие инстанции. Пожалуйста, свяжитесь со мной как можно скорее, чтобы продолжить обсуждение этого вопроса». Все. К этому приложена копия вашего письма и копия почтовой квитанции. В получении письма расписалась некая Натали, фамилии разобрать не могу. Начинается с буквы «Л».

Откинувшись на спинку своего кожаного «председательского» кресла, пропуская, словно фокусник, между пальцами скрепку и улыбаясь, я выжидательно смотрел на них. Аронсон, которой не терпелось произвести впечатление, заговорила первой:

– Значит, Бондурант прикрывал свою задницу. Он не мог не знать, как действует АЛОФТ. Банки находятся со всеми этими посредниками в панибратских отношениях: им плевать, как они это делают, им просто нужно, чтобы это было сделано. Посылая такое письмо, он лично как бы дистанцировался от АЛОФТа и его махинаций.

Я пожал плечами – мол, может быть, но добавил:

– «Достичь понимания и найти выход». – Оба посмотрели на меня непонимающе. – Так он написал в письме: «Если нам не удастся достичь понимания и найти выход...»

– Ну да, а что это значит? – спросила Аронсон.

– Читайте между строк. Не думаю, что он дистанцируется. Я думаю, это письмо – угроза. Оно означает, что он хотел кусочек пирога. Хотел войти в долю и да, прикрыть свою задницу, поэтому и послал это письмо, но я подозреваю, что были и другие послания. Он требовал от АЛОФТа каких-то действий или – в противном случае – собирался порвать с Оппарицио. Он ведь даже угрожал подать ДСД.

– А что такое ДСД? – спросила Аронсон.

– Докладная о сомнительной деятельности, – пояснил Циско. – Рутинный документ. Банки штампуют их по любому поводу.

– И куда направляют?

– В Федеральную торговую комиссию, в ФБР, в Секретную службу министерства финансов – в сущности, куда угодно.

Насколько можно было понять, они пока еще не сообразили того, что я им подсказывал.

– Имеете ли вы хоть малейшее представление о том, какие деньги гребет АЛОФТ? – спросил я. – Ведь он контролирует треть всех дел по отъему недвижимости в Лос-Анджелесском округе. Знаю, это не подтверждено, так сказать, научно, но если ты получаешь даже часть такого барыша, то речь идет о миллионах и миллионах «чаевых» только от этого одного округа. Говорят, в одной Калифорнии будет десять миллионов подобных дел, прежде чем года через два эпидемия пойдет на спад. Плюс торги.

– Какие торги? – спросила Баллоке.

– Газеты читать надо. Оппарицио находится в процессе продажи АЛОФТа некоему крупному инвестиционному фонду, компании «Лемюр». Торги открытые, и любой конфликт, касающийся будущего приобретения, может повлиять на сделку, равно как и на стоимость акций. Так что будьте уверены: если Бондурант был доведен до отчаяния, он вполне мог поднять волну и произвести эффект даже больший, чем тот, на который он рассчитывал.

Циско кивнул, первым ухватив суть моей гипотезы:

– Понятно, значит, у нас есть Бондурант, оказавшийся перед лицом финансовой катастрофы, – сказал он. – Вот-вот должны взорваться три его «воздушных шара». Тогда он делает пируэт и пытается примазаться к Оппарицио, к сделке с «Лемюром» и ко всему этому выгодному предприятию по отъему домов. И за это его убивают?

– Правильно.

Циско все усек, поэтому я повернулся на своем вращающемся кресле так, чтобы смотреть прямо на Аронсон.

– Не знаю, – сказала она. – Это очень смелая гипотеза. И ее будет трудно доказать.

– А кто сказал, что нам нужно ее доказывать? Мы должны просто сообразить, как заронить ее в головы присяжных.

Нам действительно ничего не нужно было доказывать. Мы должны были лишь высказать предположение и дать возможность жюри остальное додумать самому. Моя обязанность – только посеять семена разумного сомнения. Выстроить гипотезу невиновности. Перегнувшись через свой большой деревянный стол, я посмотрел в глаза своей команде:

– Такова будет наша теория защиты. Оппарицио – наше соломенное чучело, человек, которого мы представим как вероятного виновного. Жюри укажет на него пальцем – и наша подзащитная свободна.

Я посмотрел на лица своих сотрудников и не увидел никакой реакции, поэтому продолжил:

– Циско, я хочу, чтобы ты сосредоточился на Оппарицио и его компании. Узнай все, что можно: история, известные партнеры – словом, все. Все подробности слияния – я хочу знать

об этой сделке и об этом парне даже больше, чем знает он сам. К концу следующей недели мне нужны архивы их судебных дел. Они, конечно, будут сопротивляться, но важно их немного потрясти.

Аронсон покачала головой.

– Подождите минутку, – сказала она. – Вы хотите сказать, что все это чепуха? Всего лишь маневр защиты, а на самом деле этот Оппарицио ничего такого не совершал? А что, если мы правы насчет Оппарицио, а они ошибаются в отношении Лайзы Треммел? Что, если она невиновна?

Она смотрела на меня взглядом, исполненным наивной надежды. Я улыбнулся и взглянул на Циско:

– Скажи ей.

Тот повернулся лицом к моей юной помощнице:

– Детка, ты новичок в этом деле, так что усваивай урок. Мы никогда не задаем такого вопроса. Совершенно не важно, виновен наш клиент или невиновен.

– Да, но...

– Никаких «но», – сказал я. – Мы сейчас говорим лишь о средствах защиты. О способах обеспечить своего клиента наилучшей защитой. О стратегии, которой мы должны следовать независимо от его виновности или невинности. Если вы хотите заниматься уголовным правом, вы должны это усвоить. Никогда не спрашивайте клиента, сделал ли он это. Что бы он ни ответил, это только отвлекает. Поэтому вам нет необходимости это знать.

Она сжала губы в тонкую прямую линию.

– Как вы относитесь к Теннисону? – спросил я. – «Атака легкой бригады»?

– Какое это...

– «Им не положено знать, им – приказ исполнять». У Теннисона сказано, что его герои должны сделать то, что нужно, или умереть. Мы – легкая бригада, Баллоке. Мы сражаемся против армии, у которой больше людей, больше оружия, больше всего. В большинстве случаев это похоже на самоубийство. Никаких шансов выжить. Никаких шансов победить. Но изредка встречается дело, в котором шанс появляется. Это может быть слабый и сомнительный шанс, но все же шанс. Не упускайте его. Бросайтесь в атаку... и не задавайте подобных вопросов.

– Вообще-то, насколько я помню, у Теннисона сказано: сделать *и* умереть. В этом смысл стихотворения. У его героев не было выбора: или сделать – или умереть. Они были вынуждены сделать и умереть.

– Хорошо, что вы знаете Теннисона. Но я предпочитаю «сделать или умереть». Действительно ли Лайза Треммел убила Митчелла Бондуранта? Я не знаю. Она говорит, что не убивала, и мне этого достаточно. Если же вам этого недостаточно, то я сниму вас с этого дела и снова переброшу целиком на дела об отъеме домов.

– Нет, – быстро спохватилась Аронсон. – Я хочу остаться. Я с вами.

– Прекрасно. Редкий адвокат может похвастать тем, что был вторым номером на процессе по делу об убийстве спустя всего десять месяцев после окончания юридической школы.

Она уставилась на меня широко открытыми глазами:

– Вторым номером?!

Я кивнул:

– Вы это заслужили. Вы очень хорошо сделали свою работу.

Но свет быстро померк в ее глазах.

– В чем дело, Дженнифер?

– Просто я не понимаю, почему нельзя совместить то и другое: и неукротимо сражаться в защиту клиента, и быть уверенным в его невинности. Почему не попробовать, чтобы добиться лучшего результата?

– Лучшего – для кого? Для клиента? Для общества? Или для вас лично? Дженнифер, вы ответственны перед вашим клиентом и перед законом – это все. – Прежде чем закончить увещание, я посмотрел на нее долгим взглядом: – Не пытайтесь взывать к моей совести. Этот путь я уже давно прошел. Он не приводит ни к чему хорошему.

10

Проведя большую часть дня в конторе, в организационных хлопотах, я попал домой только ближе к восьми вечера и нашел свою бывшую жену сидящей на ступеньках крыльца. Нашей дочери с ней не было. В последний год мы несколько раз встречались с Мэгги в отсутствие Хейли, и предвкушение очередной такой встречи меня взволновало. Я устал как собака от умственной и физической нагрузки, но ради Мэгги охотно был готов взбодриться.

– Привет, Мэг. Ты забыла ключ?

Она встала, и по ее напряженной фигуре, по тому, как деловито она отряхнула пыль с джинсов, я понял: что-то не так. Поднявшись на крыльцо, я наклонился к ней, чтобы поцеловать – в щеку, разумеется, – но она резко увернулась, от чего мои подозрения только усугубились.

– Так вот у кого Хейли этому научилась, – сказал я. – Она вот так же ныряет в сторону, когда я пытаюсь ее поцеловать.

– Холлер, я здесь не для этого. И ключом я не воспользовалась, чтобы ты не счел факт присутствия прокурора в твоём доме в некотором роде конфликтом интересов.

Теперь я понял.

– А, занималась сегодня йогой? Виделась с Андреа Фриман?

– Именно.

Внезапно я почувствовал, что сил на то, чтобы взбодриться, у меня не осталось. Я отпер дверь, словно осужденный, который, утратив всякое достоинство, позволяет завести себя в помещение, где его ждет смертельная игла.

– Входи. Полагаю, придется это прояснить.

Она быстро вошла. Моя последняя реплика послужила еще одной головешкой, подброшенной в полыхавший у нее внутри огонь.

– То, что ты сделал, заслуживает презрения. Использовать нашу дочь в своих интриганских целях!

Я резко обернулся к ней:

– Использовать нашу дочь? Ничего подобного я не делал. Наша дочь без моего участия оказалась в курсе, и я лишь случайно об этом узнал.

– Это не важно. Ты просто отвратителен.

– Нет, я – адвокат защиты. А твоя добрая подружка Энди обсуждала меня и мое дело с моей бывшей женой в присутствии моей дочери. А потом она откровенно мне солгала.

– О чем ты? Она не лжет.

– Я не о Хейли. Я об Энди. Когда ее назначили обвинителем, я в первый же день спросил, знакома ли она с тобой, и она ответила: только шапочно. Думаю, излишне спорить, что это не так. И я, конечно, не могу утверждать, но если бы мы описали ситуацию десятку разных судей, то, вероятно, все десять сочли бы это конфликтом интересов.

– Послушай, мы не обсуждали ни тебя, ни ваше дело. Эта тема случайно возникла во время обеда. Да, при этом оказалась Хейли. Ты что же, думаешь, я должна отказаться от всех друзей ради тебя? Так не делают.

– Если это так не важно, почему она мне солгала?

– Это не было прямой ложью. Мы с ней действительно не близкие подруги. Кроме того, вероятно, она не хотела, чтобы ты воспринял это так, как ты воспринял.

– Значит, теперь мы квалифицируем ложь по скользящей шкале? Какая-то ложь не прямая, какая-то не важная. Незачем и волноваться из-за такой лжи.

– Холлер, не будь занудой.

– Послушай, хочешь выпить?

– Я ничего не хочу. Я пришла сказать, что ты поставил в неудобное положение не только меня и свою дочь, но и себя. Это низко, Холлер. Ты использовал невинный рассказ собственной дочери, чтобы добиться преимущества для себя. Это в самом деле низость.

Я все еще держал в руке портфель. Теперь я положил его на стол, стоявший в столовой нише, оперся руками о спинку стула и склонился вперед, обдумывая свой ответ.

– Ну что же ты? – поддела меня Мэгги. – Ты же всегда так быстро находишь ответ на любой вопрос. Великий адвокат. Послушаем, что ты скажешь на этот раз.

Я рассмеялся и покачал головой. В ярости она была так красива. Это обезоруживало. И самое худшее – то, что она наверняка это знала.

– Ах, так тебе еще и смешно? Ты угрожаешь разрушить чью-то карьеру, да еще и смеешься над этим?

– Я не угрожал разрушить ее карьеру. Я угрожал лишь добиться ее отстранения отдела. И это, конечно, не смешно. Просто...

– Что, Холлер? Что – просто? Я просидела здесь два часа, ожидая тебя, потому что хотела спросить: как ты мог это сделать?

Я отступил от стола и перешел в наступление: постепенно приближаясь к ней, заставляя ее пятиться и наконец загнав ее в угол и наставив указательный палец прямо ей в грудь, я сказал:

– Я сделал это, потому что я – адвокат защиты и как таковой поклялся защищать своих клиентов в полную меру своих способностей. Да, я увидел здесь выгоду для себя. Вы с твоей милой подружкой Энди явно перешли грань. Наверное, никакого вреда это не причинило – во всяком случае, насколько мне пока известно, – но это не значит, что грань не была перейдена. Если ты перепрыгиваешь через забор, на котором висит табличка «Прохода нет», даже пусть ты тут же перепрыгнула обратно, факт остается фактом: ты нарушила запрет. Я обязан защищать свою клиентку. Поэтому, узнав о нарушении, воспользовался этим обстоятельством, чтобы кое-что получить. Кое-что, что мне, кстати, полагалось иметь по всем правилам, но что твоя подруга придерживала просто потому, что располагала такой возможностью. Действовала ли она в рамках правил? Да. Поступала ли честно? Нет. И одна из причин того, что вы подняли такой шум и так этим озабочены, заключается в том, что вы знаете: это было нечестно и я поступил правильно. Ты сама поступила бы точно так же.

– Никогда в жизни. Я никогда так низко не пала бы.

– Чушь. – Я отвернулся от нее. Она осталась стоять в углу. – Что ты здесь делаешь, Мэгги?

– В каком смысле? Я только что объяснила тебе, зачем пришла.

– Да, но ты могла просто снять трубку или послать имейл. Зачем ты пришла?

– Хотела посмотреть тебе в глаза, когда ты будешь объяснять свой поступок.

Я снова повернулся к ней. Все это было лишь интермедией. Я снова подошел вплотную, уперся руками в стену возле ее головы и сказал:

– Вот такие вздорные споры и стубили наш брак.

– Я знаю.

– Ты знаешь, что прошло восемь лет? Мы состоим в разводе столько же, сколько состояли в браке.

Восемь лет, а я все еще не мог ее поколебать.

– Восемь лет, а воз и ныне там.

– Да, там.

– Ты знаешь, что ты вечный нарушитель, Холлер. Ты перепрыгиваешь через все заборы. Входишь в наши жизни и выходишь из них, когда пожелаешь. А мы лишь позволяем тебе это.

Я медленно наклонился, пока наши дыхания не слились, легко прикоснулся к ней губами, а когда она попыталась что-то сказать, закрыл ей рот поцелуем. Больше я ничего не хотел слышать. И у меня закончились слова.

Часть вторая

ГИПОТЕЗА НЕВИНОВНОСТИ

11

Контора закончила работу и была заперта до утра, а я все еще сидел за своим столом, готовясь к предварительным слушаниям. Был вторник, начало марта, и мне очень хотелось распахнуть окно, чтобы впустить в комнату прохладный вечерний воздух. Но помещение было герметически запечатано вытянутыми в высоту неоткрывающимися окнами. Осматривая его перед подписанием договора аренды, Лорна этого не заметила. Я скучал по своему «кабинету» на заднем сиденье «линкольна», где можно было опустить стекло и глотнуть свежего воздуха, когда захочется.

Вступительные слушания должны были состояться через неделю. Под подготовкой к ним я имею в виду то, что я пытался предугадать, чем мой оппонент, Андреа Фриман, захочет поделиться в ходе представления дела судье.

Вступительные слушания – рутинная ступень на пути к процессу как таковому. Это на сто процентов прокурорское шоу. Прокурор обязан представить дело, а судья решает, достаточно ли у обвинения доказательств, чтобы передать дело на рассмотрение присяжных. Здесь не учитывается порог разумных сомнений. Отнюдь. Судье просто необходимо сделать вывод: основано ли обвинение на достаточном количестве доказательств. Если да, то следующая остановка – полноценный судебный процесс.

Трюк Фриман будет наверняка заключаться в том, чтобы представить ровно столько доказательств, сколько требуется, чтобы перейти порог достаточности и добиться нужного решения судьи, не раскрыв весь свой арсенал. Потому что она понимает: я буду оспаривать все, что она выдаст.

Излишне сомневаться, что бремя обвинения на этом этапе – вовсе никакое не бремя. Хотя смысл вступительных слушаний заключается в том, чтобы держать систему под контролем и не допускать того, чтобы власти наступали на индивида железной пятой, все равно это игра с заранее известным исходом. За этим законодательное собрание штата Калифорния следило строго.

Раздраженные уголовными процессами, которые представлялись им бесконечными, медленно и неповоротливо прокладываящими свой путь через замысловатую систему правосудия, политики в Сакраменто приняли меры. Возобладало мнение, будто затянутое правосудие – помеха правосудию, и никому не было дела до того, что это мнение противоречит базовому компоненту состязательной системы – праву обвиняемого на полноценную и энергичную защиту. Законодательное собрание штата обошло это маленькое неудобство и проголосовало за внесение изменений в закон, включив в него меры по упрощению судебной процедуры. Полное представление доказательств, которыми располагает обвинение, было заменено для вступительных слушаний тем, что справедливо было бы назвать игрой в прятки. Кроме главного следователя, разрешалось выборочно вызвать лишь некоторых свидетелей, показания с чужих слов скорее принимались во внимание, чем отвергались, и от обвинения не требовалось представлять и половины собранных доказательств – только некое проходимое количество.

В результате на практике дело почти никогда не доходило до представления даже достаточного количества доказательств, и вступительные слушания превращались в простое штампование печати на пути к процессу.

Тем не менее смысл в них был и для защиты. Я все же имел возможность заглянуть в то, что предстоит, и поставить под вопрос хотя бы тех свидетелей и те улики, которые будут представлены. Вот зачем нужна была подготовительная работа. Мне требовалось предугадать, какие карты раскроет Фриман, и решить, как сыграть против них.

О досудебном соглашении речи не было. Фриман не протягивала руку, да и моя клиентка в любом случае не пожелала бы ее принять. Мы полным ходом шли к процессу, который должен был начаться в апреле или мае, и я бы не сказал, что не радовался этому. Нам представлялась легальная возможность оправдаться, и если Лайза Тремел желала ею воспользоваться, я должен был быть в полной боевой готовности.

За последние недели как несколько хороших, так и несколько плохих новостей поступило с «доказательного фронта». Как и ожидалось, судья Моралес отклонил наши ходатайства об исключении из доказательной базы записи допроса и результатов обыска в доме Лайзы. Это расчищало обвинению путь для выстраивания дела вокруг нескольких столпов: мотив, возможность и показания единственной свидетельницы. У них было дело об отъеме дома, история Лайзиной протестной деятельности против банка, ее уличающее признание, сделанное во время допроса, а главное – свидетельница Марго Скейфер, утверждавшая, что видела Лайзу менее чем в квартале от банка спустя несколько минут после убийства.

Но мы собирались строить защиту, атакуя и стараясь разрушить эти столпы, а кроме того, мы располагали несколькими реабилитирующими доказательствами.

До сих пор не было ни установлено, ни найдено оружие убийства, а крохотное пятнышко крови, обнаруженное на трубном ключе, изъятом из набора инструментов в Лайзином гараже, на которое обвинение уповало как на улику, обернулось в нашу пользу, так как лабораторный анализ показал, что кровь не принадлежала Митчеллу Бондуранту. Разумеется, обвинение не станет обнародовать этот факт ни на вступительных слушаниях, ни во время процесса, но я-то могу это сделать и сделаю. Часть работы защитника состоит в том, чтобы подбирать ошибки и промахи обвинения и заталкивать их ему же в глотку. Я такой возможности не упущу.

В дополнение к этому мой сыщик собрал информацию, которая могла поставить под сомнение показания ключевой свидетельницы обвинения, правда, этот выстрел мы прибережем до процесса. А сверх всего у нас имелась гипотеза невинности. Альтернативная версия убийства недурно выстраивалась. У нас на руках были копии нескольких повесток о вызове в суд Луиса Оппарицио как представителя компании АЛОФТ, этой фабрики по отъему домов, которая и будет стоять в центре нашей защитной стратегии.

Я позабочусь о том, чтобы ничто из нашей тактики не всплыло во время вступительных слушаний. Фриман вызовет для дачи показаний детектива Керлена, и тот развернет перед судьей всю картину преступления, позаботившись о том, чтобы обойти все ловушки, связанные с промахами при сборе улик. Она вызовет также медэксперта и, вероятно, эксперта-криминалиста.

Единственный участник, остававшийся под вопросом, – свидетельница Скейфер. Сначала я подумал, что Фриман придержит ее. Она могла ограничиться тем, что Керлен изложит результаты опроса свидетельницы, и обещанием вызвать ее самое для дачи показаний на основном процессе. Для предварительных слушаний большего и не требовалось. Но потом мне пришло в голову, что Фриман может усадить Скейфер на свидетельское место уже сейчас, чтобы постараться развеять, что имеется у меня. Если в ходе перекрестного допроса я приоткрою свою тактику обращения со свидетельницей, это поможет Фриман подготовиться к тому, что ждет ее впереди, на самом процессе.

В этом состояла стратегическая игра, и, должен признать, меня эта сторона процесса всегда привлекала больше всего. Шахматные ходы, которые делаются за пределами зала суда, имеют большее значение, чем те, что делаются в судебном присутствии. Представление, про-

исходящее в зале, всегда подготовлено и срежиссировано. Я же предпочитал импровизацию, творимую за его стенами.

Я как раз подчеркивал фамилию Скейфер в своем блокноте, когда в приемной зазвонил телефон. Я мог ответить на звонок со своего аппарата, но не стал этого делать. Рабочий день давно закончился, и я знал, что автомат перенаправляет в новый офис все вызовы, поступающие на номер, указанный в телефонной книге, так что человек, звонивший в столь поздний час, скорее всего был одним из тех, кто нуждался в адвокате по делу об отъеме дома. Он может оставить сообщение.

Я выложил на середину стола папку с результатами анализа крови, взятой с ручки трубного ключа, изъятого в Лайзином гараже. В ней содержался и анализ ДНК. Сделан он был в срочном порядке: обвинение не поскупилось и отослало образец крови в частную фирму, чтобы не ждать очереди в региональной лаборатории. Я представил себе разочарование, которое должна была испытать Фриман, получив отрицательный результат. Кровь не принадлежала Митчеллу Бондуранту. Для обвинения это было не просто неудачей – ведь положительный результат лишил бы Лайзу последнего шанса на оправдание и заставил бы ее пойти на досудебную сделку. Но еще хуже было то, что Фриман теперь знала: я могу использовать этот документ, чтобы потрясти им перед присяжными и заявить – смотрите, дело, которое они сварганили, изобилует ложными предположениями и уликами.

Мы также заработали несколько очков, когда на записях с видеокамер наблюдения, установленных в здании банка и на выезде и въезде в гараж, в период до и после убийства не оказалось изображений Лайзы. Правда, угол обзора камер не покрывал всей территории гаража, но это не имело значения. Записи видеокамер представляли собой оправдательное доказательство.

Теперь завибрировал мой мобильник. Вынув его из кармана, я взглянул на дисплей. Звонил мой агент Джоул Готлер. Поколебавшись, я принял звонок.

– Поздненько вы работаете, – сказал я вместо приветствия.

– Да. А вы, видимо, не просматриваете свою электронную почту, – ответил Готлер. – Я давно пытаюсь с вами связаться.

– Простите, компьютер передо мной, но я заработался. Что случилось?

– У нас большая проблема. Вы читаете «Дедлайн Голливуд»?

– Нет, а что это?

– Это блог. Найдите-ка его у себя в компьютере.

– Прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас. Давайте.

Я закрыл папку с анализами крови и отложил ее в сторону, затем придвинул лэптоп и открыл его. Подключившись к Интернету, нашел сайт «Дедлайн Голливуд» и начал его просматривать. Сайт представлял собой набор кратких сообщений о голливудских сделках, кассовых рейтингах и событиях, происходящих в студиях. Кто что купил, кто порвал с каким агентством, у кого дела идут вверх, у кого вниз и всякое такое.

– Так, и что мне здесь искать?

– Листайте вниз, до трех сорока пяти сегодняшнего дня.

Сообщения в блоге были помечены временем размещения. Я сделал как он велел и нашел пост, с которым Готлер хотел меня ознакомить. Уже один его заголовок взбесил меня:

Реальная история о таинственном убийстве достается «Арчуэй», продюсеры Дэл/Макрейнолдс.

Из некоторых источников мне стало известно, что компания «Арчуэй пикчерс» выделила сумму, обозначаемую шестизначной цифрой, которая к концу проекта обещает обер-

нуться семизначной, чтобы приобрести права на историю об убийстве из мести за отъем дома. Это дело проходит сейчас через систему правосудия здесь, в нашем Лалаленде⁵. Интересы обвиняемой, Лайзы Треммел, в сделке представляет Герб Дэл, который будет продюсировать проект совместно с Клеггом Макрейнолдсом из «Арчуэй». Многоцелевая сделка включает права на телепродукцию и документалистику. Развязку истории, впрочем, еще предстоит написать, так как процесс по обвинению в убийстве банкира, который пытался отнять у нее дом, для Треммел пока впереди. В пресс-релизе Макрейнолдс утверждает, что история Треммел будет использована для того, чтобы под увеличительным стеклом рассмотреть эпидемию отъема домов, поразившую всю страну в последнее время. Суд над Треммел должен начаться через два месяца.

– Черт! – воскликнул я.

– Вотименно, – согласился Готлер. – Что, чертвозьми, происходит? Я из кожи вон лезу, чтобы продать эту штуку, и уже очень близок к заключению сделки с Лейкершором и тут читаю такое! Вы что, издеваетесь надо мной, Холлер? Вы же всаживаете мне нож в спину.

– Послушайте, я не знаю точно, что происходит, но у меня договор с Лайзой, и я...

– Вы знаете, кто такой этот Дэл? Я-то знаю, он – последняя дешевка.

– Я знаю, знаю. Он уже пытался ко мне подкатываться, но я мигом заткнул его. Он заставил Лайзу что-то подписать, но...

– О Господи Иисусе! Так она что-то подписала с этим уродом?

– Нет. То есть да, но уже после того, как подписала договор со мной. У меня этот договор на руках, и я имею право перв...

Здесь я запнулся. Договоры. Я вспомнил, как сделал копии и отдал их Дэлу, а потом положил оригиналы обратно в багажник «линкольна». Дэл это видел.

– Сукин сын!

– Что такое?

Я взглянул на стопку папок, лежавшую на углу стола. Все они относились к делу Лайзы Треммел. Но я не забрал папки из машины и не перенес их в офис, потому что поленился, подумал, что там только старые контракты и старые дела, а может, не был уверен, что мне понравится работать в каменном мешке новой конторы. Так или иначе, контракты все еще находились в багажнике.

– Джоул, я вам перезвоню.

– Эй, что там...

Но я уже отключился и бежал к двери. У Дома победа имелся свой двухэтажный гараж, но он находился в отдельном здании. Пришлось выйти на улицу и дотрусить до него. Рысцой взбежав по пандусу на второй этаж, я направился к своей машине, на ходу отпирая багажник кнопкой дистанционного управления. Мой «линкольн» был единственной машиной, все еще остававшейся на верхнем уровне. Выхватив папку с контрактами и склонившись к лампочке, освещавшей багажник, я пролистал ее содержимое в поисках договора, подписанного Лайзой Треммел.

Его там не было.

Сказать, что я был в ярости – значит не сказать ничего. Засунув папку обратно в ячейку, я с силой захлопнул крышку багажника, вытащил телефон и, направляясь обратно к пандусу, позвонил Лайзе. Автомат переключил меня на автоответчик.

– Лайза, это ваш адвокат. Мы, кажется, договаривались, что вы будете отвечать всегда, когда я вам звоню. Независимо от времени суток и того, чем вы заняты. Но вы не отвечаете. Отзовните мне непременно. Мне нужно поговорить с вами о вашем дружке Гербе и о сделке,

⁵ Вымышленное пространство, в котором люди далеки от реальности и где рождаются абсурдные идеи.

которую он только что заключил. Уверен, что для вас это не новость. Но возможно, новостью окажется для вас то, что я собираюсь возбудить против подонка судебное преследование за этот фортель. Я урою его, Лайза. Так что лучше отзвоните мне! Немедленно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.